КИРГИЗСКАЯ ССР

XXIV СЪЕЗД КПСС

1971-1975

ТЕНДИК АСКАРОВ

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ КРИТИКИ

„КЫРГЫЗСТАН" 1972

ТЕНДИК АСКАРОВ

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ КРИТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН"
ФРУНЗЕ — 1972

Тендик Аскаров

ВЫСОКОЕ ПРИЗВАНИЕ КРИТИКИ

Редактор *В. Я. Вакуленко*
Худож. редактор *И. А. Ефимов*
Техн. редактор *Т. Ф. Василенко*
Корректор *Л. М. Шейко*

Сдано в набор 7/IX-1972-г. Подписано к печати 8/XI-1972-г. Д— . Бумага типографская № 2, формат 84×108¹/₃₂. 2,13 физич. печ. л., 3,78 услови. печ. л., 3,67 учет.-изд. л. Тираж 2000. Заказ № 2650. Цена 10 к.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102, Киргизполиграфкомбинат Госкомитета Совета Министров Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Литература и искусство, как известно, относятся к той форме общественного сознания, которая воспроизводит мир в его образной зримости, неповторимой красочности и животворном многообразии. Это позволяет художнику высекать в камне застывшую музыку телесной и духовной красоты человека или же населить страницы литературных произведений героями, оживающими перед внутренним взором читателя в великом борении своих чувств, страстей.

Но не всегда способность искусства с осязаемой яркостью, рельефностью запечатлевать в мраморе или волшебном слове, живописных красках или гармонии звуков окружающую действительность приводит к желаемым результатам. Определенная часть людей, причисляющих себя к творцам прекрасного в художественных образах, свое дарование тратит на создание жалких химер воображения, далеких от насущных нужд человека. А истинное искусство только тогда обретает крылья для высокого полета, когда цели его облагораживаются содержанием важных общественно-политических событий, социальных преобразований.

Естественно, поэтому, что деятели советской литературы и искусства, воспитанные на идеях гражданской целеустремленности труда художника, свои взоры обращают прежде всего к делам и свершениям партии, видя в них неисчерпаемый источник творческого вдохновения и горения.

Именно таким событием стал на современном этапе исторического развития XXIV съезд КПСС, наметивший величественную программу коммунистического строительства, где сухой язык статистики не может скрыть

дерзновенности планов, поистине космических масштабов продвижения нашего общества к намеченной цели. В решениях этого высшего партийного форума нет ни одной сферы существования современного человека, которая не получила бы глубокого и всестороннего анализа, не осветилась бы лучами созидательного опыта народа, не подверглась бы критическому рассмотрению в целях еще более успешного преодоления имеющихся недостатков. Революционные предначертания партийного съезда нашли у советских художников живой отклик и готовность со всей им присущей страстностью чувств воплотить победный шаг пятилеток и атмосферу высочайшего политического подъема в стране.

Конец 1972 года будет отмечен большой и светлой датой в истории советского государства — 50-летием образования Союза Советских Социалистических республик, великого содружества равноправных советских народов, составляющих ныне совершенно новую историческую общность людей. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» обобщен весь исторический опыт Советского многонационального государства, дана глубокая, научно обоснованная характеристика закономерностей образования и развития Советского Союза, раскрыты выдающиеся успехи в строительстве социализма и коммунизма. В этом важном политическом и идейно-теоретическом документе отмечается, что в совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту возникли новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. В результате этого благотворного процесса у советских людей сложились многие общие черты духовного облика, общие формы художественного восприятия явлений жизни и понимания эстетических ценностей.

Плоды 50-летнего развития нового типа национальных отношений особенно ярко зримы на примере создания и расцвета самобытной культуры таких народов, как киргизы, которые за сжатые сроки совершили прыжок от фольклора к современной профессиональной литературе и искусству, к таким специфическим формам научного, образного отражения действительности, как симфоническая музыка, балетное и театральное искусство, теория художественного творчества и т. д. Поэтому полувековой

юбилей страны Советов одновременно является важной вехой в осмыслении закономерностей развития и расцвета новой художественной культуры наций и народностей, объединенных сейчас в братском союзе.

Предлагаемая вниманию читателей книжка эта посвящена размышлениям о заботах «движущейся эстетики» — литературной критики в республике, которая как новая форма научного и художественного познания жизни и искусства, тоже возникла за годы Советской власти, о её месте и роли в литературном процессе.

* * *

Как известно, в Древней Греции каждое явление природы и человеческой жизни имело своего бога-покровителя, радевшего о благополучии своих владений, подданных. Имели своих богинь-покровительниц и различные виды искусства. Но среди девяти известных мифологических муз почему-то нет ни одной, которая имела бы свою власть над таким своеправным видом художественного ремесла, каким является литературная критика. Возможно, занимая по отношению к остальным видам художеств независимую и активную позицию, связанную с оценкой, она и не нуждалась в покровителе.

Так или иначе, литературная критика, возникнув еще в античность, властно заявила о своем месте в словесном творчестве и во все последующие времена продолжала совершенствовать, оттачивать свое оружие, выражая существенные тенденции движения художественной мысли, отвечая на насущные вопросы общественно-политического развития.

Литературная критика в своих лучших проявлениях никогда не опускалась до уровня простого истолкователя художественных фактов, не служила неким приложением к практике, а всегда была соратницей самого искусства, сотворцом эстетических ценностей и идеалов.

История культуры знает немало случаев, когда именно творчество талантливого критика с наибольшей яркостью воплощало духовный потенциал народа, его завоевания в области образного мышления. Говоря о возникновении немецкой национальной литературы, Белинский, например, писал, что в Германии «литературный переворот совершился не чрез великого поэта, а чрез умно-

го энергичного критика — Лессинга». А деятельность таких великих критиков и революционеров-демократов, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов, свидетельствует о том же — об исторической роли художественной теории в формировании социальных воззрений, росте национального самосознания.

Но роль критики никогда не была так велика в жизни общества, как сегодня, в период дальнейшего усиления противоборства двух идеологий, двух систем. Не секрет, что в своих попытках расколоть единство стран социализма буржуазная пропаганда немало надежд возлагает и на художественную теорию, на ее способность оказывать длительное и эффективное воздействие на общественное мнение. Например, одной из форм так называемой «деидеологизации» в области искусства явилось засилие в современном буржуазном литературоведении структурализма. Критика, руководствующаяся в своей работе этим методом, подходит к тексту как к набору чисто технических, статистических элементов и приемов. В полном пренебрежении к идейному содержанию, она сводит эстетическое многообразие произведений к однозначности алгебраической формулы. Тем самым из анализа полностью изгоняются социальная значимость и идейная направленность образов.

Однако в последнее время в буржуазной литературоведческой науке происходят очень характерные и симптоматичные явления. Уже стали появляться исследования, в которых говорится о пользе соединения социологии и литературной критики, делаются стыдливые признания о социологии как о многообещающей области, позволяющей по-новому взглянуть на литературу. Это и понятно. В мире, разделенном на классы и чреватом новыми социальными потрясениями, превращение творений искусства в некие математические уравнения и геометрические символы означало бы целенаправленный увод людей от действительности в сферу иллюзорных ощущений и представлений. И если социологическое исследование литературы находит признание у определенной части буржуазных литературоведов, то в этом факте отражается тот тупик, в котором оказалась сегодня литературная теория в странах капитала, потерявшая ориентиры в так называемых стилистическом, структуралистском, психоаналитическом способах прочтения текста.

На фоне подобного кризиса буржуазного литературоведения особенно отчетливо проявляется все преимущество советской литературной критики, вооруженной ясной марксистско-ленинской методологией. Социологический подход к явлениям искусства в лучшем смысле этого слова всегда был отличительным свойством социалистической художественной теории и ей не приходилось изменять своей природе в угоду скоротечным литературным веяниям и модным нововведениям.

Верная принципам ленинской партийности и идейности советская критика на протяжении более полувека раскрывала историческое значение нового художественного метода — метода социалистического реализма в воспитании нового человека, в коренном переустройстве общественного уклада и психологии людей. В том, что наша литература за короткий срок смогла создать яркий и обобщенный портрет эпохи, великих свершений партии и народа, есть немалая заслуга и критики. Она не только анализировала, осмысливала художественные явления, но и, соотнося их с жизнью, практикой, определяла критерии подхода к действительности, указывала на те тенденции, которые должны были вести социалистическую литературу к новым рубежам идейности и мастерства.

И в таких своих заветных стремлениях и усилиях советская литературная критика всегда получала поддержку со стороны Коммунистической партии. Еще одним убедительным доказательством этого может служить принятое недавно Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», продолжающее и развивающее положения XXIV съезда партии. Не только критики, но и вся творческая интеллигенция нашей страны восприняли новый документ с огромной радостью и удовлетворением, как программу, руководство к действию, способствующее повышению боевитости и принципиальности критики В Постановлении ЦК КПСС дан глубокий научный анализ состояния художественной критики в нашей стране, намечены пути преодоления существующих в ней серьезных недостатков и отставаний. Специальное решение, принятое Центральным Комитетом нашей партии в отношении такой специфической сферы общественной жизни, как художественная критика, свидетельствует о высокой оценке роли теории литературы и искусства в коммунистическом строительстве. «Несомненно, успехи

советской литературы и искусства были бы еще значительнее, а недостатки изживались бы быстрее,— сказал на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— если бы наша литературно-художественная критика более активно проводила линию партии, выступала с большей принципиальностью, соединяя взыскательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей».

Так Коммунистическая партия еще раз ясно подчеркнула значение критики как одного из решающих факторов развития литературы и искусства. Окрыляющий смысл этих положений партийных документов придает большую целеустремленность и уверенность работе литературных критиков, наполняя ее сознанием высокой ответственности и полезности перед обществом. И нет большей чести для наших литературоведов, критиков, чем оправдать столь высокое доверие, оказанное им партией, созданием новых трудов и исследований, которые явились бы плодом глубокой научности и подлинного вдохновения.

Обычно считается, что уровень литературной критики во многом определяется уровнем, динамикой самого художественного процесса. Споры же об отставании критики от художественной практики, или же о ее опережающем развитии не являются, на наш взгляд, столь уж важными, потому что самой идеальной можно считать ту критику, которая способна глубоко осмыслить пройденный путь, верно оценить текущий литературный процесс и в состоянии на этой основе предугадывать, улавливать ведущие тенденции литературного движения.

В этой небольшой работе мы попытаемся рассмотреть в свете Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» состояние современной киргизской литературной критики, отдельные проблемы художественной теории и практики. И чтобы лучше понять идейно-эстетические возможности сегодняшней литературной критики в республике, ее успехи и еще непреодоленные недостатки, нам представляется целесообразным окинуть взором, обозреть пройденный за полвека существования советской власти киргизской литературой и искусством путь, попытаться в самом общем, схематическом виде наметить контуры, особенности движения художественной мысли от низших к более высоким формам. Наш беглый экскурс в историю, ни в коей мере не претендуя на осно-

вательность и завершенность рассмотрения хотя бы отдельных проблем, преследует главным образом вспомогательную цель, служит как бы фоном, позволяющим лучше разглядеть основной план.

Сегодня с полным правом можно говорить и мы говорим о феномене взрывоподобного развития национальной культуры, результатом которого является пышный расцвет киргизского профессионального искусства. И возникает вопрос: каким образом стало возможным столь быстрое, или, как принято говорить, ускоренное формирование большой, самостоятельной культуры, которая в своих лучших проявлениях стоит в ряду высоких завоеваний всей советской литературы и искусства?

Как известно, до Великой Октябрьской социалистической революции киргизы не имели своей письменности — обстоятельство немаловажное в правильном объяснении некоторых особенностей формирования и развития современной киргизской культуры. И в условиях отсутствия сложившихся письменных традиций, предпосылкой зарождения профессиональной национальной литературы и искусства послужили несколько факторов.

Несмотря на обилие трагических страниц своей истории, заполненных мучительными воспоминаниями о попытках противостоять натискам могущественных империй и воинственных племен, киргизский народ сумел сохранить свое жизнелюбие, веру во всесилие человеческого разума, большую любовь к светлому и прекрасному в жизни. Но самое главное — он сумел выработать и довести до высокого совершенства свой фольклор — эту изустную летопись жизни кочевых племен, синтезировавшую в своих необъятных эпических просторах житейские правила, философские, эстетические, этические воззрения трудящихся масс. В отличие от многих и многих народов, у которых современная культура сложилась в результате длительной эволюции отношений между фольклором и письменными традициями, к началу нашего столетия Киргизия представляла собой одно из заповедных мест в мировой цивилизации, где в век машины и технического прогресса уникальные образцы древнейшего народного искусства все еще сохранялись в первозданном виде.

Величайшее из эпических творений киргизского народа героическое сказание «Манас» как бы образует вершину, откуда, как родники, в океан устного творчества

стекают произведения других видов и жанров — поэмы фантастические, лирико-романтические, бытовые, сказки, легенды, пословицы и поговорки, песни и т. д. Все они существовали только в устной форме и в совокупности составляли духовную культуру народа. В киргизском народном фольклоре всесторонне отражается жизнь общества в его классово-социальной дифференцированности. В лучших его произведениях социальный акцент всегда точен, они обладают непреходящей эстетической значимостью именно благодаря ясному выражению идеалов и устремлений, присущих массам, простым людям. В этом смысле особенно характерен «Манас», по праву называемый энциклопедией жизни дореволюционных киргизов, в котором героическое начало борьбы против иноземных завоевателей, призывы к единству перед лицом постоянной внешней опасности, и, наконец, художественные, эстетические потенции народа находят свое ярчайшее и концентрированное выражение.

Все виды и жанры киргизского фольклора отличаются большим синкретизмом формы и он достигает своего апогея в «Манасе», в котором как бы воедино дан весь комплекс выразительных средств, свойственных остальным жанрам народного творчества. И, как правило, талантливый манасчи в одном лице сочетал дар импровизатора и глубокого знатока народной жизни, дарование певца и актера. Не часто встречались сказители, которые обладали всеми этими качествами в полной мере. Поэтому наиболее талантливые из них, подобно Сагымбаю Орозбакову и Саякбаю Каралаеву, в духовной иерархии кочевников занимали самые верхние ступени и часто становились объектом чуть ли не языческого поклонения и освящения.

Здесь надо отметить тесную связь, существующую между фольклором и декоративно-прикладным искусством киргизов. Народное понимание прекрасного и безобразного, гармонического и уродливого, выраженное в песнях и мелодиях, поэмах и сказках, как бы находит свое материальное воплощение в предметах, произведениях художественного ремесла — коврах, туш-кийизах, резьбе и чеканке по дереву и металлу.

Орнаментальные рисунки и стилизованные геометрические фигуры, вещи бытового обихода, выполненные с тонким чувством цвета, симметрии и объема, являют собой редкое сочетание утилитарного с эстетическим. В

этом смысле особенно выделяется внешнее и внутреннее убранство юрты, этой своеобразной постройки кочевой архитектуры, если можно так выразиться, идеально приспособленной к условиям постоянных передвижений.

Очень близко к народному эпосу стояло творчество акынов-импровизаторов, представляющее собой уже ступень индивидуально-авторского творчества. Демократическое направление в киргизской общественно-политической мысли дореволюционного периода представлено прежде всего в творчестве трех крупнейших представителей акынской поэзии — Токтогула, Тоголока Молдо и Барпы Алыкулова, в произведениях которых отразились существенные тенденции развития киргизской общественности конца XIX и начала XX веков.

Эта культура таила в себе неисчерпаемые возможности для дальнейшего развития. Но киргизский фольклор в его самых разнообразных проявлениях в начале века, несмотря на свое кажущееся благополучие, уже переживал свое последнее цветение. Прославленные творцы героических сказаний, поэтических жемчужин, песен, мелодий — манасчи и акыны, музыканты и певцы по существу были последними из могикан народного творчества. И если бы не Октябрьская революция, возродившая к жизни искусство этих мастеров, то неповторимая сокровищница человеческого ума канула бы в лету, как не раз бывало и с более могущественными цивилизациями.

С первых же дней существования Советской власти Коммунистическая партия выступила с развернутой программой осуществления культурной революции, один из главных пунктов которой предусматривал создание всеми народами своей собственной профессиональной литературы и искусства. В беседе с К. Цеткин В. И. Ленин сказал: «Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она должна за годы, за десятилетия загладить культурный долг многих столетий» (В. И. Ленин. О литературе и искусстве. Изд. 4-е. М., 1969 г., стр. 666). В кратчайший срок была ликвидирована безграмотность киргизского населения, в ускоренном темпе открывались школы, учреждения культуры. В 1924 году вышла в свет первая газета на киргизском языке «Эркин Тоо» («Свободные горы»). В судьбе горного края принял личное участие сам Владимир Ильич Ленин. В 1920 году он в телеграмме на имя Воровского и Милютина писал: «Кир-

гизские товарищи просят помощи, чтобы добыть словолитню, типографию и бумаги. Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие».

Руководствуясь ленинским указанием о существовании в каждой антагонистической формации двух культур — демократической и антинародной, Коммунистическая партия приняла меры, направленные на всемерное использование прогрессивных сторон древней культуры народов. Лучшие традиции киргизского фольклора были вовлечены в активный процесс формирования национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Так последовательное проведение в жизнь четко разработанной Лениным программы культурной революции, правильная политика партии в области художественного творчества явились, наряду с духовными ценностями выработанными в досоветский период, одним из двух решающих факторов, обусловивших быстрое зарождение и формирование профессиональной киргизской советской литературы и искусства.

Но как бы ни был высок энтузиазм первых киргизских художников, как бы ни были богаты традиции народного творчества, без существующих образцов современного искусства, без направляющей роли более развитых культур, национальное художественное творчество не смогло бы столь быстро опериться, намного сократить период ученичества. В этих условиях в роли своеобразного ускорителя выступила русская культура с ее богатыми демократическими традициями, которая ускорила процесс выхода зарождавшейся новой киргизской литературы и искусства из младенческого возраста. Влияние русской классической и советской культуры на национальное искусство было очень многообразным, охватывало почти все области художественного строительства. Музыковеды А. Затаевич и В. Виноградов впервые записали и подвергли научному анализу многочисленные образцы киргизской музыки, композиторы В. Власов, В. Фере и М. Раухвергер приняли самое активное участие в создании первых национальных оперных и балетных произведений, художники С. Образцов и С. Чуйков совместно с первыми киргизскими художниками заложили основы современного изобразительного искусства Киргизии. Такие примеры можно было бы умножить. И лик современ-

ной киргизской культуры отмечен печатью этого творческого содружества, гармонического слияния лучших черт двух культур. И когда мы сегодня говорим об интернационализме, дружбе советских народов, слова наши не выражают платонические чувства, а отражают реальное содержание подлинно братского сотрудничества и взаимопомощи членов одной многонациональной семьи. Влияние культуры русского и других братских народов на художественное сознание киргизов явилось третьим важным фактором ускоренного формирования национального искусства.

Говоря о факторах ускоренного формирования современной киргизской литературы и искусства, данных нами здесь в очень схематической форме, нельзя забывать о главных, решающих общественно-политических условиях, в которых они действуют и раскрывают свои внутренние закономерности.

Это — прежде всего глубокие социальные преобразования, начавшиеся осуществляться в горном крае с первых же дней установления Советской власти. Нелегко было переустроить на новых, социалистических началах весь уклад жизни народа, основанный на патриархально-феодальных отношениях. Но исторически новая форма хозяйствования, новая форма связей между классами и социальными группами неумолимо вступали в свои права, оттесняя на задний план все отжившее, устаревшее. Создавались невиданные ранее промышленные объекты, крупные сельскохозяйственные коллективы, преобразившие древнюю землю кочевников. Неистребимая тяга простых людей к знанию, свету разрешалась массовой ликвидацией безграмотности, строительством школ, культурных очагов. Шла революционная ломка и в сознании людей, носившая не менее ожесточенный характер, чем в сфере общественного бытия.

Все это вместе взятое явилось той благодатной почвой, на которой факторы ускоренного зарождения и дальнейшего расцвета киргизского искусства нашли наиболее благоприятную питательную среду.

В ходе культурного строительства названные и другие факторы обусловили ряд своеобразных черт начального этапа развития художественного творчества в республике. Первое поколение киргизских писателей, артистов, музыкантов, художников состояло из довольно малочис-

ленной, но преданной делу революции, группы энтузиастов, которые пробелы в своих знаниях, профессиональной подготовке восполняли огромным желанием служить своему народу, обретшему долгожданную свободу. Эти неистовые ревнители, еще не успев в полной мере осмыслить значение всего происходящего, уже жили завтрашним днем, будущим своей страны. Аалы Токомбаев в одной из своих статей приводит интересные факты, характеризующие тот бурный период.[1] Едва выйдя из отроческого возраста, по свидетельству поэта, уже в 20—25 лет начинающие писатели чувствовали себя стариками и считали вправе обратиться к будущим поколениям со своего рода поэтическими «завещаниями». Приводя строки одного из таких стихотворений, поэт правильно замечает, что все это — результат раннего созревания гражданских чувств молодых, до боли ощущавших свою мобилизованность революцией воспеть идеалы новой жизни и переделать духовный мир человека. Но стремление первых киргизских художников к обнаженности, плакатной броскости выражения идей и своих чувств, политических лозунгов и злободневных вопросов, не подкрепленное пока что хорошим знанием жизни и достаточным владением природой искусства, часто сопровождалось немалыми потерями эстетического порядка. Произведения нередко страдали схематичностью и ходульностью образов, упрощенностью и декларативностью решения темы, художественной несовершенностью.

Конечно, было бы не совсем верно сделать отсюда вывод об идейно-образной несостоятельности, неполноценности произведений, созданных в то бурное время зачинателями киргизской литературы. 20-е и начало 30-х годов были объективно необходимой переходной к более высокому качественному состоянию ступенью в развитии национальной культуры. Так или иначе, тот неповторимый в художественном мышлении народа период представляет собой ярчайший пример совпадения социального заказа (по выражению Маяковского) общества с бескорыстными стремлениями пионеров киргизского искусства служить высоким идеалам революции без остатка, всем своим сердцем и существом.

---

[1] *А. Токомбаев.* Литература, рожденная революцией. «Ала-Тоо», 1967, № 11.

Что касается вопроса о месте фольклора в творчестве зачинателей профессиональной литературы и искусства, то и здесь надо исходить из объективных предпосылок. В те времена во взаимоотношениях между фольклором и зарождавшейся профессиональной культурой происходил двоякий процесс. С одной стороны, фольклорные сюжеты служили для создания новых стихотворений, рассказов, спектаклей и т. д. С другой стороны, нередко при написании произведений, посвященных злобе дня, авторы их широко пользовались фольклорными средствами и приемами. Перефразируя слова Маркса о греческой мифологии, здесь можно было бы сказать, что народный фольклор для профессиональной киргизской литературы и искусства послужил не только почвой, но и богатым арсеналом. Этим многое объясняется. Первые деятели киргизской культуры к фольклорному способу отражения жизни часто обращались не сознательно, а стихийно. Они чувствовали себя уютно в драпировке фольклора не потому что хотели развить его принципы, а потому что сами находились пока еще в фольклорной стихии. Осмысление, сознательное выделение собственно фольклорного от профессионального началось несколько позже. В целом же процесс постепенного освобождения от рамок фольклорного мышления совпадает с новыми завоеваниями киргизского искусства на пути к подлинному профессионализму, идейной и эстетической зрелости.

Первый этап формирования сегодняшней культуры Киргизии отличался неравномерностью развития ее отдельных областей. Приоритет в этом отношении принадлежит киргизской литературе, которая, как вид художественного творчества, сложилась раньше других. Свою роль сыграло, видимо то, что она унаследовала наиболее высокоразвитые устнопоэтические традиции народного эпоса. Первое крупное произведение киргизской прозы повесть «Аджар» К. Баялинова появилась в 1927 году. А еще раньше, в 1924 году на страницах первой газеты на киргизском языке «Эркин Тоо» было опубликовано стихотворение А. Токомбаева «Эпоха Октября», которое считается первой печатной литературной публикацией в республике на родном языке. Уже в начале 30-х годов были написаны романы, поэмы Т. Сыдыкбекова, М. Элебаева, Дж. Боконбаева, Дж. Турусбекова, К. Маликова, Т. Уметалиева и др.

В музыкальном искусстве, например, складывалась несколько иная картина. Первыми значительными произведениями музыкального искусства Киргизии явились музыкальные драмы «Алтын кыз» («Золотая девушка»), «Аджал ордуна» («Не смерть, а жизнь») и опера «Ай-Чурек», созданные композиторами Власовым, Малдыбаевым и Фере соответственно в 1937, 1938 и 1939 годах. Первый национальный балет «Анар» Власова и Фере был написан в 1940 г. Все эти произведения своими высокими идейно-художественными достоинствами стали классикой киргизского музыкального театра и до сих пор не сходят со сцены. В 30-х годах появляются первые произведения молодого тогда Г. Айтиева, ныне известного советского живописца, народного художника СССР. Эти достижения национальной культуры были показаны с большим успехом в 1939 году на первой Декаде литературы и искусства Киргизии в Москве, значение которой в развитии киргизской культуры неоценимо. Первые киргизские писатели, художники, композиторы, режиссеры получили возможность посмотреть на свое творчество как бы со стороны, глазами придирчивых, но доброжелательных друзей и тем самым более четко, ясно представить и подлинную цену завоеванного, и еще не решенные задачи.

Таким образом, в конце 30-х и начале 40-х годов, в основном, сложились границы современной национальной по форме и социалистической по содержанию киргизской литературы и искусства, которой еще предстояло пройти трудный путь восхождения к высотам реализма. Потребовалось всего около двух десятилетий, чтобы от безграмотности и устной народной поэзии прийти к современным формам литературы, к опере, балету, живописи, вдохновенно рассказывающим о народе, пробужденном к новой исторической деятельности.

Сороковые и 50-е годы характеризуются как годы дальнейшего профессионального роста, возмужания киргизской литературы и искусства. Происходили количественные и качественные накопления, приобретения — создавались новые повести и драмы, оперы и балеты, живописные полотна и песни, в которых правдиво отображалась жизнь современной Киргизии. Росла экономическая мощь нашей страны, повышалось материальное благосостояние советских людей. Исторические решения XX съезда КПСС создали благоприятные условия для дальней-

шего роста и всестороннего раскрытия творческих возможностей человека, дальнейшего развития литературы и искусства.

Эти и другие факторы вместе взятые подготовили качественный скачок, который совершила киргизская культура в конце 50-х и начале 60-х годов. Новое качественное состояние национального искусства отмечено рядом отличительных черт и особенностей. Ряды признанных мастеров литературы и искусства республики пополнились способной художественной сменой. Лучшие ее представители — писатели и живописцы, актеры и музыканты, режиссеры и танцоры принесли с собой профессиональную подготовленность, свежее восприятие жизни, новизну социальных ощущений. Это—поэтесса М. Абылкасымова, лауреат премии ленинского комсомола, лауреаты ленинского комсомола Киргизии поэты Т. Кожомбердиев и Дж. Абдыкалыков, балерина А. Токомбаева, кинорежиссеры Т. Океев и Б. Шамшиев, художники Т. Садыков и Б. Джумабаев, кинооператор К. Кыдыралиев, киносценарист К. Омуркулов и др. Присуждение этим авторам премии ленинского комсомола и республиканских премий ленинского комсомола является признанием гражданской и художественной зрелости молодых авторов. Наши композиторы успешно взялись за освоение крупных форм инструментальной музыки — появились первые симфонии национальных авторов. Наконец, в 50-х годах родился киргизский кинематограф — самое молодое искусство в республике.

Но подобные количественные отношения фактов киргизского искусства выражают лишь одну из многих сторон их качественных проявлений в сегодняшней художественной жизни Киргизии. Их можно видеть в расширении тематики произведений во всех жанрах литературы и искусства, углублении психологического анализа жизненных ситуаций, заостренности показа социальных проблем, прикованности исследовательского взора художника к внутреннему миру нового человека, носителя самых прекрасных идей и устремлений, нравственной чистоты и цельности, присущих нашим современникам, художественной убедительности воплощения замысла и т. п. Все эти качества особенно отчетливо проявились в произведениях лауреата Ленинской и Государственной премий Чингиза Айтматова, творческий взлет которого произо-

шел именно в период образования новой качественной ступени в развитии современной киргизской культуры. Такие произведения Айтматова, как повести «Джамиля», «Материнское поле», «Первый учитель» и другие, лежат в русле тех значительных явлений современного киргизского искусства, которые свидетельствуют о его идейной и профессиональной зрелости. Это прежде всего лучшие произведения и создания лауреатов государственных премий Киргизской ССР им. Токтогула: писателей А. Токомбаева и Т. Абдумомунова, актеров М. Рыскулова и Б. Кыдыкеевой, художника Г. Айтиева, режиссера А. Куттубаева, композитора А. Малдыбаева, балерины Б. Бейшеналиевой, а также писателей Т. Сыдыкбекова, К. Баялинова, Т. Уметалиева, К. Маликова, А. Токтомушева, оперной певицы С. Киизбаевой, актрисы Д. Куюковой, художника Л. А. Ильиной, актеров В. Ф. Казакова и А. Боталиева, дирижера Д. Джумахматова и многих других. «Элуу жылда эл жаны»— гласит киргизская пословица. «Народ обновляется в полвека». Действительно, под мудрым руководством Коммунистической партии киргизский народ сегодня вознесся на вершину материального и духовного расцвета, трудовой и творческой активности. Именно новый облик людей социалистического Киргизстана служит для художников республики неиссякаемым источником художественных поисков, творческого горения и вдохновения.

Сегодняшнее новое качественное состояние киргизской культуры примечательно тем, что оно положило начало активному выходу лучших ее произведений, воплощающих наивысшие духовные ценности народа, на всесоюзную арену. И можно сказать, что современная киргизская литература и искусство включены в общую художественную, литературную жизнь нашей страны вполне самостоятельно. Вошли в нее своеобразием пройденного пути, историческими особенностями диалектического перехода от фольклора к высотам реалистического искусства. Подобная подключенность к общесоюзному литературному процессу не только констатирует очевидное положение, но и ставит перед художниками новые идейно-эстетические задачи.

Соотнесение той или иной национальной литературы с общесоветским литературным процессом, дает, например, возможность выбрать такую точку обзора, с которой

можно рассматривать узловые вопросы художественного творчества, включая трезвую, самокритичную оценку тех узких мест, что имеются в собственной литературной кухне. На наш взгляд, степень участия отдельных литератур в общественном литературном движении не определяется только количеством выпущенных центральными издательствами книг местных авторов. Приходится здесь сказать и об этом, потому что мы все еще не избавились от слабостей или просто привычек, когда любую выпущенную на русском языке книгу киргизского автора в порыве душевной простоты готовы оценить как очередную победу национальной литературы на общесоюзной художественной арене.

Если смотреть правде в глаза, то наряду с беспорными достижениями в нашей литературе, есть и существенные недостатки, негативные тенденции, о которых можно и нужно говорить без всякого расчета на сочувствие, и не становясь при этом в самобичующую позу.

Были времена, когда произведения многих наших писателей страдали декларативностью, прямолинейностью образов и конфликтов. Отдельные авторы исходили не из самой жизни, не из ее реальных противоречий, а из надуманных, умозрительных схем. К счастью, все это понемногу отходит в прошлое. Но в последнее время мы сталкиваемся с явлениями, как говорится, обратного порядка. Парадокс состоит в том, что сейчас литературные схемы нередко создаются на основе использования действительных жизненных фактов и коллизий. Появляются произведения, в которых фотографически воспроизводятся портреты реальных людей (разумеется под другими именами и в другой экипировке), извлекаются подлинные факты из их биографии и все это дается в целях маскировки в масштабе области или района. Так возникает иллюзия проблемности и правдоподобия, отсюда идут и смещения идейно-художественных акцентов или просто грубые искажения известных общественно-политических фактов. Это пример того, как убегая от умозрительных схем, отдельные авторы впадают в плен схематизма фактологического. А это две стороны одной и той же медали.

Или вот другой пример. У отдельной части киргизских писателей, прежде всего молодых, наблюдается увлечение высокопарной риторикой, выспренностью и преувеличенной восторженностью слога, которое, как нам ка-

жется, идет не от жизни, а от литературы. Книжность восприятия жизни, литературщина еще больше подчеркивает социальную аморфность героев произведений иных молодых авторов, которые если и выражают свои мысли, то не иначе, как в форме исповеди, обращенной чуть ли не ко всей Вселенной и обрамленной ультрасовременным словесным антуражем. Кажется, что запоздалые волны исповедальной прозы только сейчас коснулись творчества отдельных молодых киргизских писателей, хотя об инфляции или даже конце исповедальной прозы давно уже говорят далеко не в гипотетическом плане.

Отмеченные и другие недостатки в современной киргизской литературе можно было бы квалифицировать как одно из проявлений более общего явления — серости. О серости, как о беде настоящего искусства, сейчас с тревогой и озабоченностью говорят везде. Но серость, надо признаться, сегодня стала многоликой, появляясь то здесь, то там каждый раз в новом качестве. К сожалению, находятся еще литературы, которые готовы не только снисходительно отнестись к ней, но и найти теоретическое оправдание ее существованию. Ободренная этой поддержкой, серость становится в воинствующую, крикливую позу и требует уже, как говорится, своего официального признания, признания де факто в качестве вполне нормального явления современной литературной жизни, предоставления соответствующего места в шкале эстетических оценок. Трудность борьбы против подобного рода зол состоит и в наличии таких ненормальностей.

Вместе с тем, нам хотелось бы отметить, что причина существования отдельных негативных тенденций в киргизской литературе лежит не только в настойчивости отдельных графоманов, плодящих халтуру, но и в определенной степени и в закономерностях более общего порядка. Например, писатель Александр Чаковский правильно заметил с трибуны IV съезда писателей СССР: законно радуясь успехам братских литератур, «мы не заметили, как выросла проблема некоторого разрыва между фактом этих успехов, скажем больше, между ростом духовного самосознания наших братских народов и уровнем его теоретического осмысления». Этот разрыв за прошедшие годы сокращен не настолько, чтобы он перестал для нас быть проблемой. И по нашему мнению, многие отрицательные явления отдельных литератур, в данном слу-

чае киргизской, успешно могли бы быть преодолены, если бы важные проблемы творчества своевременно подвергались глубокому теоретическому осмыслению не только в локальной, но и в их региональной обусловленности. Например, типологические моменты в развитии национальных литератур, скажем, литератур Средней Азии и Казахстана, можно было бы изучать более успешно и в масштабе региональных связей и закономерностей. Отсюда уже было бы легче идти в сторону сопоставления полученных результатов с общесоюзными литературными тенденциями и факторами.

В последнее время часто говорят об обновлении традиций в литературах Средней Азии и Казахстана, имея в виду дальнейшее обогащение их идейно-художественного арсенала в новых исторических условиях.

Процесс этот действительно очень плодотворный и приносит национальным литературам, в том числе и киргизской, ощутимые результаты через диалектическое снятие, преодоление слабостей, недостатков. В общем плане проблема обновления традиций нам достаточно ясна, но она требует дальнейшего углубленного изучения всех аспектов, конкретизации исследуемых направлений, уточнения круга вопросов и т. д.

Раскрывая суть обновления традиций, нужно выяснить, например, вопрос о соотношении многообразных национальных эстетических форм и интернациональных художественных ценностей, о взаимоотношениях между развитием внутренних ресурсов национальной литературы и опытом более развитых литератур, между отдельными закостеневшими формами национального образного сознания и интернациональным художественным содержанием и т. д. Давать правильно ответы на эти вопросы нелегко и на практике приходится очень часто сталкиваться со сложностями в истолковании их конкретных сторон. Иногда мы видим, например, такое явление. Отдельные произведения киргизской прозы, поэзии, получившие у критики, читателей признание, даже завоевавшие популярность, при переводе на русский или другие языки почему-то не звучат и теряют свои достоинства. В подобных случаях мы бываем склонны все это отнести за счет национального колорита, неповторимой самобытности образов, лексики и т. д. — произведения, которые-де трудно адекватно воспроизвести на другом языке. Разу-

мается, в подобных утверждениях бывает известная доля правды. Но не всегда мы задаемся вопросом: не скрывается ли за этим фактом более серьезная причина (скажем, отсутствие в произведении общезначимого содержания, изображение не выходящего за рамки этнографической информации частного случая, архаичность образного строя произведения и т. д.). А если это так, то понятно, что значительные, масштабные идейно-художественные ценности создаются не благодаря отображению отдельного, особенного, зачастую оснащенного экзотическими реалиями. Литература не может развиваться успешно, питаясь изображениями одних уникумов, носящих этнографический или национально-особенный характер и не освещенных благодатными лучами социально-экономического, идейно-политического единства советского общества.

Таковы в самых общих чертах пути движения киргизской литературы от фольклора к новой качественной ступени своего развития.

А. В. Луначарский как-то сказал, что «поколение литературных критиков появляется несколько позже, чем первые призывы художников, ибо литературная критика есть как бы второй, повторный, углубленный акт художественного самопознания класса»[1].

Развитие киргизской литературной критики, как бы в миниатюре повторяющей сегодня диалектику взаимосвязей художественного процесса и теоретической мысли вообще, подтверждает правильность этого положения. Вначале, когда профессиональная киргизская литература переживала стадию зарождения и становления, критика еще находилась в зачаточном состоянии и по существу развивалась слитно, синхронно с практикой. Постепенно из читательской массы начали выделяться критики, а сама литературная критика складываться в самостоятельный жанр. По своей значимости этот процесс представляет собой новое социальное явление и в общем и целом он совпадает с эволюцией и ростом национального самосознания киргизского народа. Еще Ф. Энгельс в свое время писал: «Нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления». Слова

---

[1] *А. В. Луначарский.* Статьи о литературе. Гослитиздат. М., 1957, стр. 121.

эти целиком относятся и к образному мировосприятию. Подлинная зрелость духовного, художественного сознания народа наступает обычно тогда, когда совершается переход от внутренних, спонтанных движений образной мысли к теоретическому и научному осмыслению.

В связи со сказанным нынешний этап развития киргизской литературной критики представляется нам одним из важных моментов во все более углубляющемся акте художественного самопознания народа. Критика стала сегодня силой, оказывающей существенное влияние на творческий процесс и формирование эстетических вкусов читателей.

Признание реальности этого факта предполагает оценку состояния современной киргизской литературной критики с позиций самых высоких требований, как принято говорить, с общесоюзной вышки, ибо снисходительные разговоры и скидки на творческую молодость ныне все более и более обнаруживают свою несостоятельность. Критерии подлинной науки всегда и всюду едины и они не подвластны территориально-пространственным или психологическим ограничениям.

В последние годы в республике вышел ряд заметных работ, исследований, характеризующих общий уровень нашей эстетической мысли. Приятным подарком для читателей, специалистов явились издания «История киргизской советской литературы» под редакцией З. Г. Осмоновой и «История киргизского искусства» под редакцией члена-корреспондента Академии наук Киргизской ССР А. Салиева. В этих трудах впервые в целостной и связной форме прослеживается история киргизской профессиональной литературы и искусства с первых шагов их зарождения до наших дней. Несмотря на отдельные недостатки, выход в свет этих обобщающих трудов в целом является положительным фактом, и они, безусловно, сыграют свою полезную роль в дальнейшем комплексном изучении и научном освещении путей развития киргизского искусства.

Обычным явлением нашей творческой жизни стало издание статей, монографий, посвященных злободневным проблемам литературы. В совокупности своей они создают пеструю карту литературной критики в республике. В поле зрения наших авторов оказались, например, такие проблемы литературы и эстетики, как диалектика соотно-

шения письменной литературы и фольклора, интернациональное и национальное, закономерности развития реализма в киргизской прозе, сущность образного мышления, своеобразие формирования метода социалистического реализма в киргизской литературе, эстетическая природа лирического в искусстве и др. Одна тематика современных исследований говорит о том, что в сферу критико-литературоведческого анализа вовлекается все больше серьезных вопросов.

Продуктивно работает у нас ряд критиков и литературоведов (К. Асаналиев, Б. Керимджанова, С. Джигитов, К. Бобулов, К. Артыкбаев, Ш. Уметалиев, М. Рудов, К. Укаев, М. Борбугулов, А. Садыков и др.), деятельность которых в основном определяет жизнь и динамику критической мысли в киргизской литературе. В живом литературном процессе участвуют Е. Озмитель, К. Кудайбергенов, А. Жирков, С. Байходжоев, Ч. Джолдошева, Ж. Абдраимов и др. Вопросы теории художественного перевода разрабатывают К. Джидеева, К. Абдыкеримов, Дж. Кулбатыров и др. Переживают пору становления и роста дарования А. Токтогулов, С. Карымшаков, С. Тургунбаев и другие молодые авторы. Всяческой поддержки заслуживают выступления пока малочисленной группы эстетиков (А. Салиева, К. Молдобаева, К. Матиева и др.), вносящие в критическую мысль своеобразие философского осмысления проблем искусства.

Среди появившихся за последнее время работ критиков и литературоведов внимание читателей привлекли книги «Открытие человека современности» К. Асаналиева (о творчестве Ч. Айтматова), «Пути развития реализма в киргизской прозе» К. Бобулова, «Поиски и находки» К. Артыкбаева (очерк творчества А. Токомбаева), «Звенья открытий» М. Рудова, «Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе». А. Садыкова. Интересны выступления в периодической печати критиков С. Джигитова, К. Укаева и др. В частности, хотелось бы отметить точную и умную статью С. Джигитова «Образ в лирическом стихотворении», опубликованную в журнале «Ала-Тоо» (№ 7, 1971). Серьезного осмысления требует эстетико-философская работа А. Салиева «Что такое мысль», исследующая природу абстрактного и образного мышления.

Как характерную для духа времени тенденцию надо

рассматривать появление у отдельных авторов вкуса к разработке общих проблем развития литературы. Если до недавнего времени создавались преимущественно критико-биографические очерки о том или ином писателе, освещались частные историко-литературные вопросы, то сейчас предметом исследований становятся узловые проблемы художественного процесса, которые требуют правильного применения общеметодологических принципов и теоретических положений. Нужно ли здесь особо говорить о том, что именно через исследования, дающие обобщенную картину литературных явлений, наша критико-эстетическая мысль может успешно продвигаться вперед.

Что касается недостатков, то в современном киргизском литературоведении и критике их действительно немало. Автор одной из последних фундаментально-теоретических работ А. С. Бушмин в книге «Методологические вопросы литературоведческих исследований» пишет, что «наше литературоведение пока развивается скорее экстенсивно, чем интенсивно. В поле обозрений входит все больше фактов, а обобщение накоплений запаздывает». Если это утверждение верно по отношению к советской литературной науке в целом, то оно верно вдвойне и по отношению к литературоведению и критике в республике. Наша литературная критика сейчас развивается в основном не вглубь, а вширь. Накапливаются факты, происходят количественные приращения, но нет еще резких качественных изменений и сдвигов. Есть разрозненные мысли, наблюдения, но нет или мало еще широкого теоретического охвата картин литературного движения, нет целостных концепций, развернутых обобщений, раскрывающих глубинные связи художественного процесса с практикой коммунистического строительства.

Одним словом, есть все предпосылки для перехода количества в качество, для совершения качественного, диалектического скачка в сфере теории. Однако процесс этот в наших условиях приобретает уж явно затяжной характер, что, естественно, не может не сказаться на действенности критического слова. Без глубокого теоретического осмысления пройденного пути нельзя успешно воздействовать на литературный процесс.

Существует ряд причин, в силу которых киргизская литературная критика переживает в настоящее время

серьезные трудности. Надо открыто признаться в том, что еще далеко не всеми авторами достаточно хорошо освоены философские, мировоззренческие и методологические основы критики и литературоведения. На арене критики иногда подвизаются люди, не обладающие необходимыми знаниями, художественным вкусом, но тем не менее почему-то получившие право вершить эстетический суд над творениями искусства.

Надо сказать, что даже там, где предпринимаются коллективные усилия авторов, объяснение некоторых важных вопросов идет не столь успешно, как того хотелось бы. Например, очень актуальна проблема формирования в киргизской литературе принципов социалистического реализма, до сих пор не получившая всесторонней и глубокой научной разработки и вызывающая споры. Так, литературовед А. Садыков в книге «Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе» утверждает, что истоки или даже основы социалистического реализма в киргизской литературе лежат в творчестве Токтогула и Тоголока Молдо.[1] Сходную мысль отстаивает и Б. Маленов. В работе «Партийность в литературе и некоторые вопросы киргизской советской литературы» он утверждает, что отдельные черты метода социалистического реализма в киргизской литературе формировались еще в 1917—1918 годах. А критик К. Асаналиев, уже имея в виду произведения профессиональной литературы, пишет: «...все киргизские писатели свои прозаические произведения сразу писали на основе принципов социалистического реализма»[2].

Конечно, в принципе можно согласиться с попытками найти отдельные элементы (но не основы метода) новой социалистической литературы в первых же произведениях киргизских писателей или даже в песнях Токтогула и Тоголока Молдо.

Но тут же возникает целый ряд неясностей. По мнению некоторых авторов, принципы социалистического реализма более или менее полно раскрылись только в отдельных произведениях, появившихся в национальной литературе в 40-х, 50-х и 60-х годах. А что было между

[1] *А. Садыков.* Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе. «Илим», Фрунзе, 1969 г., стр. 114.

[2] *К. Асаналиев.* Очерки киргизской советской прозы. Киргосиздат, Фрунзе, 1957, стр. 9.

семнадцатым и сороковыми годами? Какие процессы происходили в только что народившейся и набиравшей силу профессиональной киргизской литературе? Кроме того, в каком соотношении находились принципы социалистическго реализма с принципами самого реализма? Правильно ли делается, когда иными авторами понятия «реализм» и «социалистический реализм» употребляются как синонимы, без дифференциации их свойств на различных этапах развития литературы?

Одним словом, без учета многих общественно-политических, социальных, психологических и других факторов невозможно правильное осмысление рассматриваемой проблемы. Сейчас в советском литературоведении все большую поддержку получает та точка зрения, по которой принципы социалистического реализма выработались не сразу, а в каждой национальной литературе процесс их формирования протекал неравномерно. Такое понимание вопроса, видимо, будет основой научного анализа особенностей развития социалистического реализма и в киргизской литературе.

Первые наши писатели в своих произведениях субъективно следовали принципам социалистической литературы, поскольку в их творчестве отражались идеи революции, новой жизни. Но объективно результаты их труда еще были далеки от лучших образцов полнокровного реалистического искусства, не говоря уже о произведениях социалистического реализма. Между эмоциональным восприятием идей новой литературы и практическим воплощением их в творчестве, теоретическим осмыслением сущности нового метода лежит определенная дистанция.

Следовательно, правильнее говорить о постепенности и непрерывности восхождения киргизских писателей к высотам социалистического искусства, о стадиях овладения методом социалистического реализма. При таком подходе отпадает необходимость каждый раз привязывать те или иные черты метода, понимаемые зачастую догматически, к тому или иному конкретному литературному факту или произведению. Потому что принципы социалистического реализма не сумма, не набор застывших правил, канонов, они не терпят нормативности, эстетической узости. Постоянно развиваясь и совершенствуясь и не исчерпывая своих признаков, черт в отдельных явлениях, даже вершинных, метод социалистического реализ-

ма раскрывает свои возможности в важнейших моментах, проявлениях всего литературного процесса.

Одна из серьезных слабостей нашей литературно-художественной критики проявляется в разработке такой актуальной проблемы теории, как национальное и интернациональное в литературе. Она затрагивается во многих работах. К сожалению, в большинстве случаев дело не идет дальше самых общих замечаний, простой констатации известных фактов, положений.

Сегодня киргизская литература своими лучшими эстетическими завоеваниями стала на уровень самых развитых литератур. Достижения эти можно ощутить ярче и полнее, если рассмотреть их на фоне некоторых фактов литературы и искусства других народов. Например, в такой стране Юго-Восточной Азии как Филиппины, основной проблемой литературы является, по утверждению самих филиппинских деятелей культуры, проблема становления национального самосознания. Она включает создание литературы на национальных языках, потому что литература в стране пока что создается на испанском и английском языках. Это результат долголетнего господства над Филиппинами испанцев и англичан, которые насаждали там свою культуру, но не думали о развитии национального языка, традиций.

Таков разительный контраст, существующий между страной, отставшей в своем развитии на многие столетия в результате осуществления политики колонизаторов, и республикой, именуемой Киргизская Советская Социалистическая Республика, которая благодаря претворению в жизнь мудрой ленинской национальной политики сегодня являет собой ярчайший пример социальной динамичности и духовной жизнеспособности народа, еще полвека тому назад пребывавшего в горькой и суровой неопределенности своей исторической перспективы.

Художественное многообразие современной киргизской литературы сейчас в немалой степени определяется такими идейно-эстетическими явлениями, как взаимообогащение и взаимовлияние культур, диалектика единичного и общего в национальной литературе, обновление и преобразование национальных традиций и чувств и т. п. Думается, что важнейшие, решающие аспекты развития современной киргизской литературы могут получить глубокое и всестороннее истолкование только через науч-

ный анализ всех этих и других сопряженных с ними проблем.

Важному вопросу, судя уже по одному только названию, посвящено исследование А. Садыкова «Проблема национального и интернационального в киргизской советской литературе». Это первый обобщенный труд, в котором делается попытка раскрыть содержание актуальной темы на примере современной киргизской литературы. Попытка, заслуживающая всяческого одобрения и поддержки. Как первый опыт изучения диалектики национального и интернационального в киргизской литературе, работа может сыграть известную положительную роль.

Вместе с тем монография А. Садыкова страдает недостатками методологического и концептуального порядка. Прежде всего литературоведу не хватает основательности теоретических эстетико-философских размышлений вокруг затрагиваемых вопросов, поскольку национальное и интернациональное в литературе — это проблема и литературоведческая и эстетико-философская одновременно. В работе А. Садыкова факты заслонили собой мысль, отсюда и отсутствие в книге развернутых, оригинальных концепций.

Постановка проблемы национального и интернационального в литературе требует глубокого научного раскрытия соотношения таких явлений, как национальное, интернациональное и общечеловеческое, взаимовлияние и взаимообогащение художественных культур. Главное здесь точный учет новых факторов жизни, изменяющегося и обновляющегося социального опыта народа.

Очень актуален сейчас вопрос о закономерностях освоения новописьменными литературами традиций более развитых литератур, прежде всего русской. Еще совсем недавно в киргизском литературоведении, как известно, процветало проведение поверхностных параллелей между фактами двух литератур. Доказательство влияния того или иного русского писателя на творчество киргизских авторов большей частью сводилось к поискам и нахождению образных, тематических, портретных и т. п. соответствий и сходств. Уязвимость подобной методологии была очевидна — выискивая внешние, часто случайные аналогии в произведениях, литературоведы оставляли вне поля зрения более глубокие, основательные законы эстетического взаимодействия, преемственности художественных

традиций и идей, находящие свое выражение отнюдь не в элементарной, простейшей форме.

Однако в последнее время мы становимся свидетелями другой крайности. Некоторые критики, боясь обвинения в воскрешении рецидивов поверхностного параллелизма, стали проявлять в этом вопросе чрезмерную осторожность, говоря вообще о влиянии без анализа конкретных фактов, явлений литературы. Тем самым иные наши авторы попадают в ситуацию, осмеянную в известной пословице: «Обжегшись на молоке, дует и на воду».

По нашему глубокому убеждению, нет причин здесь впадать из одной крайности в другую. В настоящее время взаимосвязи советских литератур значительно расширились и углубились. И влияние русской советской литературы на киргизскую определяется этим новым этапом во взаимодействиях и взаимообогащении национальных литератур. Сейчас воздействие русской литературы на творчество киргизских писателей приобрело многосторонний характер, охватывая различные стороны жизни и художественного процесса. Творческое освоение опыта русской литературы и литератур братских народов нашими мастерами художественного слова осуществляется сознательно, целенаправленно и стихийно, несознательно. Иной автор в процессе написания своего произведения обращается к отдельным фактам другой литературы, известным образцам и, отталкиваясь от них, создает свою самостоятельную идейно-художественную концепцию. История киргизской литературы дает нам немало характерных примеров подобного явления.

Есть другая сторона вопроса о влиянии. Часто воздействие одного писателя или литературы в целом, скажем русской, на творчество представителей других литератур, в данном случае киргизской, трудно проследить по явным признакам, особенностям. Оно угадывается, улавливается в общей тональности произведения и индивидуальной творческой манере его автора, в складе мировосприятия и художественного мышления. И выявление скрытых пружин, переходов творческих приемов, преломления художественных средств, несознательных, но закономерных в своей основе приобретений в области мастерства, формы и т. д. должно составлять одну из важнейших сторон изучения проблемы влияний.

В связи с этим обращает на себя внимание некоторая

односторонность подхода наших литературоведов и критиков к вопросу о воздействии русской литературы на киргизскую. Проблема эта рассматривается преимущественно как проблема литературная. Возникает опасность сведения эстетического анализа к рафинированному и замкнутому кругу движения чисто художественных мыслей, отрешенных от живой жизни, общественной практики. В своих поисках образного сплава национального и интернационального, оригинального и освоенного исследователь идет как бы только от литературы к литературе, от писателя к писателю, от одной темы к другой, от приема к приему. А ведь неумение соотносить явления искусства с жизнью как раз и характеризует невысокий философский и эстетический уровень многих работ по критике, на что и было особо указано в Постановлении ЦК КПСС.

Сегодня, опираясь на положение XXIV съезда КПСС о возрастании с продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства роли литературы и искусства, критика должна решительнее сопоставлять явления творчества с действительностью, находить плодотворные результаты влияния и взаимодействия литератур и в самой жизни. Так, например, на наш взгляд, не следует рассматривать воздействие русской литературы на киргизскую только сквозь призму литературно-художественных принципов, приемов, теорий, без учета эстетических и общественно-политических факторов.

Следовательно, перед литературоведами и критиками возникает задача рассмотрения проблемы влияния в широком плане воздействия русской и других братских литератур на духовное сознание киргизского народа вообще, на его психологию, быт, нравственные убеждения. Сейчас произошли коренные изменения в психическом складе киргизов, их жизненных идеалах, художественных представлениях. Им доступны высшие формы духовной деятельности человека, способность не только освоить, но и синтезировать их. Во всем этом значительна роль прежде всего русской литературы. Киргизский народ читает великие его творения в подлиннике и переводах. Происходит творческое освоение ее художественных принципов, ее содержательного наполнения. Таким образом, непосредственно, а также через преломление в творчестве киргизских писателей лучшие черты русской клас-

сической и советской литературы и выраженные в них передовые идеалы материализуются в сознании народа, обогащая и оплодотворяя его. Без преувеличения можно сказать, что на всем духовном облике киргизов лежит отпечаток богатства и многообразия современной мировой культуры и прежде всего русской литературы, которые, слившись с прогрессивными, лучшими национальными традициями, образовали новое идейно-художественное качество. И поскольку так, то было бы трудно предположить, что это приобретенное, освоенное может лежать в сознании народа просто мертвым грузом, не становится активной силой, оказывающей обратное воздействие на все сферы материального и духовного производства, в том числе на творчество писателей. Поэтому нужно внимательно изучать диалектику преломления эстетических явлений, идей русской литературы через сознание киргизских читателей. Оно позволит всесторонне раскрыть роль русской литературы в духовном обновлении нашего народа, механизм превращения художественного содержания в неотъемлемое свойство общественно-политических, морально-этических, жизненных понятий и взглядов людей. Исследование литературных влияний не может быть полным и убедительным без раскрытия особенностей этого процесса, без раскрытия механизма отражения одних общественных явлений в других, например, без учета преломления экономических, политических, правовых отношений и связей в морали, искусстве и различных формах духовно-культурной деятельности. Только подобный подход к предмету исследования может, на наш взгляд, обеспечить сочетание эстетического рассмотрения искусства с социологическим.

К рассматриваемому здесь вопросу очень тесно примыкает и вопрос о соотношении национального и общечеловеческого в искусстве. У некоторых киргизских литературоведов и критиков существует несколько однобокое, предвзятое отношение к так называемым общечеловеческим ценностям, понятиям, идеям, отражаемым в художественном творчестве.

Бытует мнение, по которому как сам термин «общечеловеческое» так и любое понятие, соотносимое с содержанием этого термина, должны быть как бы отлучены от нашей эстетики и социологии, отнесены на счет буржуаз-

ной идеологии, буржуазной науки. Но насколько это правильно?

Свое крайнее выражение подобная точка зрения нашла уже в упомянутой книге Б. Маленова «Партийность в литературе и некоторые вопросы киргизской советской литературы». На 181 странице работы прямо говорится, что «общечеловеческое» — это лозунг примирителей двух идеологией, защитников беспартийности и мелкобуржуазных взглядов.

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение достоинств и недостатков книги. На V съезде писателей Киргизии была дана принципиальная оценка ее ошибочным положениям и выводам. Соглашаясь с этой оценкой, нам хотелось бы вместе с тем оговориться, что было бы не совсем правильно целиком перечеркивать значение работы Б. Маленова. В ней есть идеи, мысли, высказанные с четких позиций социалистическго реализма. Читателю импонируют места, где литературовед особо подчеркивает необходимость всегда следовать основополагающим идеям ленинской партийности.

Но вот насколько прав исследователь, когда понятие общечеловеческого он без всякой дифференциации его содержания оставляет на откуп буржуазным идеологам? Известно, что марксистско-ленинское учение требует подходить к каждому явлению общественной жизни с конкретно-исторических классовых позиций. Очевидно, такой подход необходим и к объяснению сущности общечеловеческого в искусстве.

В. И. Ленин еще в 1913 году в своих «Тезисах по национальному вопросу» писал об интернациональной культуре как о культуре, «уже теперь создаваемой систематически пролетариатом всех стран», и при этом подчеркивал, что она «берет из **каждой** национальной культуры **исключительно** (курсив В. И. Ленина.— Т. А.) ее последовательно демократические и социалистические элементы» (В. И. Ленин. ПСС, т. 23, стр. 318).

Мы противопоставляем абстрактному гуманизму революционный гуманизм, связанный с историческим опытом борьбы пролетариата за свое освобождение. Общечеловеческие понятия, ценности не обладают неизменным, однозначным смыслом, со временем они подвергаются значительным изменениям.

Обратимся к конкретной исторической реальности. Как известно, в результате образования новых социалистических государств в Европе и Азии социализм превратился в мировую систему и ныне соотношение сил на мировой арене, а также ход общественно-политического развития определяются этим новым фактором. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции сегодня овладели умами сотен миллионов людей на всем земном шаре. Её бесценный опыт взяли на вооружение коммунистические и рабочие партии всех континентов.

А ленинизм является марксизмом новой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму. В 1970 году, в год празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, в Москве вышла книга «Народы мира о Ленине», где собраны высказывания о вожде мирового пролетариата выдающихся общественных и государственных деятелей, писателей, художников, ученых всех стран мира. Слова признательности гению, величию Ленина произносятся устами людей, воплощающих честь и совесть наций, народов, обладающих значительным весом, популярностью в своих странах. Они еще раз подтверждают общечеловеческое, общемировое значение идей и учения Ленина.

Вот другой очень характерный человеческий документ, который приводится в книге А. М. Румянцева «Проблемы современной науки об обществе». Выступая на международной встрече марксистов и немарксистов, состоявшейся во Франции несколько лет тому назад, аббат Ж. Булье сказал: «Отныне социализм — это государство, социализм... охватывает треть человечества, внутри каждой страны существуют коммунистические партии, а во всем мире их 81, и они говорят о реальном присутствии социализма как самого актуального вопроса. Не будучи подчиненными, как это утверждается, политическим интересам России, миллионы граждан смотрят в сторону Москвы, видя в ней горнило опытов, имеющих общечеловеческое значение».

Таких высказываний, примеров можно было бы привести еще немало. И все это доказывает одно — многие общественно-политические явления, нравственные принципы, представления, которые возникли и получили развитие в условиях социализма, сейчас составили неотъем-

лемую часть содержания понятия «общечеловеческое».

Все эти процессы получили закономерное отражение в нашем искусстве. К сожалению, еще до недавнего времени в литературоведении, эстетике не уделялось должного внимания всемирно-историческому значению опыта советской литературы, теоретическому осмыслению общечеловеческих черт образов искусства социалистического реализма. Между тем практика давно дала и дает великолепные образцы всемирной известности, общечеловеческой значимости наиболее талантливых произведений советских художников. Газета «Правда» приводила примечательный факт, свидетельствующий о тщетности попыток принизить роль социалистического искусства в мировом художественном процессе. Один из американских журналов, имеющих открытую антикоммунистическую направленность, сделал красноречивое признание: «Мы стоим перед фактом... возрождения массового интереса к советской литературе»[1].

Если такие факты тревожат наших идейных противников, значит они действительно приобрели неумолимость поступательного движения, с которой уже просто нельзя не считаться. Притягательная сила советского образа жизни, советского характера для многих людей буржуазного Запада общеизвестна. Об этом очень хорошо рассказывается в романе прогрессивного английского писателя Дж. Олдриджа «Сын земли чужой». В нем с большой реалистической достоверностью отражены сложные психологические моменты, которые возникают при столкновении советских людей с представителями капиталистического мира. Главный герой романа англичанин Руперт, выходец из высших аристократических слоев, под влиянием советских граждан Алексея Водопьянова и его жены Нины освобождается от многих своих предрассудков и становится горячим сторонником развития торговых, дружеских отношений между двумя странами.

В предисловии к советскому изданию романа Дж. Олдридж пишет: «Нина — это такой женский характер, который вызывает на Западе восхищение, и поэтому я ее так написал. Вы не можете себе представить, какой притягательной силой обладают для нас на Западе высокие

---

[1] Цит. по статье: *А. Беляев.* В кривом зеркале «советологии». «Правда», 14 марта 1972 года.

идеалы и люди, у которых хватает мужества постоять за свои убеждения».

Наконец, еще один факт. Когда называют, например, «Броненосец Потемкин» величайшим фильмом всех времен и народов, то это означает, что содержание данного фильма приобрело общечеловеческое звучание.

Таким образом, понятие общечеловеческого расширено, обогащено в новых исторических условиях на основе опыта развития первого в мире социалистического государства. Сейчас общечеловеческое явление не существует без советского, социалистического. Ведь цвет общечеловеческого давно неоднороден, он окрашен и алым цветом победоносных знамен Октябрьской революции. Классовый подход к понятию общечеловеческого требует четкого разграничения его многослойных проявлений, сторон. Надо воевать не вообще с буржуазной идеологией, а с конкретными ее формами и с ясных идейных, методологических позиций. Критик Ю. Суровцев пишет: «Совсем уж ретроградно выглядит сегодня отрицание общечеловеческих мотивов в искусстве и общечеловеческого значения его достижений».[1] Лучшие национальные традиции, произведения искусства становятся интернациональными, общечеловеческими, общее и частное вместе составляют диалектическое единство. Например, творчество Ч. Айтматова представляет собой гармоническое сочетание лучших традиций киргизской литературы и достижений общечеловеческой культуры.

Таково также творчество А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова и других киргизских писателей в своих лучших качествах, проявлениях.

Как видно, в рассмотрении отдельных сложных и общетеоретических проблем художественного творчества литературоведам и критикам республики иногда недостает широты охвата явлений искусства и жизни, методологической точности подхода к узловым вопросам, глубокой эстетико-теоретической подготовки. Отсутствие подобных, очень необходимых для критика качеств серьезно сказывается на уровне и успешности исследования многих вопросов текущей литературной жизни, укреплении авторитета и действенности критического слова.

---

[1] *Ю. Суровцев.* Критика пишет о поэзии. «Литературная газета», № 2, 1970 г.

Сейчас для нас очень актуальна проблема грамотности литературной критики, профессиональной подготовленности литературоведа и критика. На первый взгляд, казалось бы странным специально говорить о грамотности критики, поскольку грамотность должна быть сама собой разумеющимся, естественным свойством этого жанра. К сожалению, мы вынуждены говорить и об этом, потому что в творческой практике нам нередко еще приходится сталкиваться с безграмотностью, отсутствием эстетического вкуса.

Проблема грамотности имеет не только профессиональный, этический, но и социальный, идеологический смысл. Безграмотная, непрофессиональная критика своими неверными суждениями, выводами наносит вред художественным вкусам широкого круга читателей, искажает глубокий смысл политики партии в области литературы и искусства, требующей сочетания точности идейных оценок с взыскательностью, бережным отношением к плодотворным творческим поискам. Критика, не отличающаяся высоким идейно-теоретическим уровнем, не может выполнять свою роль в решении задач коммунистического строительства, в формировании общественного мнения, в борьбе с чуждыми взглядами и концепциями.

В нашей литературной жизни еще слишком много факторов как объективных, так и субъективных, не способствующих повышению авторитета критики, выработке у пишущих в этом жанре уверенности в своем призвании. У нас происходит инфляция баллов, проставляемых творчеству писателей. В 99 случаях из ста появляющиеся в нашей печати статьи, рецензии, выступления носят комплементарный характер. Обычно они отличаются друг от друга только по количеству слов, использованных в превосходной степени. Но на деле поток панегирических откликов на выпускаемые книги совершенно не отражает реального положения вещей. Качество публикуемых стихов и поэм, рассказов и повестей, романов и пьес при трезвом и спокойном взгляде настраивает нас отнюдь не на радужный, беспечно оптимистический лад. В момент, когда Коммунистическая партия ставит перед деятелями советской литературы и искусства задачи по обострению социального чутья художников, усилению борьбы с серостью, художественным браком, мы не можем создать иллюзию благополучия в цеху литераторов.

Здесь наша литературная критика не всегда оказывается на высоте. Мало того, появляются отдельные работы, которые дискредитируют жанр критики, бросают тень на ее способность быть выразительницей общественного мнения. Печальным примером вкусовщины и ученичества в литературной критике являются претендующие на монографичность книги «Киргизская художественная проза» Н. Никипорца и «Мастер художественного слова» К. Бейшембаева. Напоминающий заурядное ученическое сочинение труд К. Бейшембаева и страдающее непонятным пренебрежением к существующим взглядам и утвердившимся мнениям исследование Н. Никипорца не выдерживают, как научные работы, даже элементарной критики. Тем не менее, поскольку эти книги стали фактом литературной жизни, необходимо дать им общую оценку.

Прежде всего надо отметить концептуальную несостоятельность работы Н. Никопорца. Вся история развития киргизской прозы здесь рассматривается как история борьбы между реализмом и фольклорно-эпическим методом. По мнению критика, эта борьба продолжается до настоящего времени и вопрос «кто кого» до сих пор еще не решен. С легкой руки литературоведа жертвой фольклорных традиций становятся почти все известные произведения киргизской прозы, в том числе и отдельные рассказы и повести Ч. Айтматова. Автору, видимо, и этого показалось мало. В конце книги, чтобы окончательно сбить с толку псевдонаучностью и ложнопроблематичностью, он придумывает какие-то мифические черты, свойства, которые, якобы, присущи только восточным литературам. И недостатки в творчестве киргизских писателей непосредственно выводятся из названных признаков, хотя не совсем понятно, какое отношение может иметь киргизская советская литература к таким «свойствам» восточных литератур, как «сентиментальная грусть», «трагичность ситуации» , «ретроспективность» и т. п.?

В главе, названной «Современный киргизский роман», Н. Никипорец подвергает анализу всего несколько произведений: «Среди гор» Т. Сыдыкбекова, «Жылдызкан» Н. Байтемирова, «Свет под землей» С. Сасыкбаева. И все. Названо всего три романа. Ни больше, ни меньше. Пересказав содержание каждого из трех произведений

и сопроводив изложение небольшими комментариями, критик счел свою миссию законченной. Остались за бортом анализа романы К. Баялинова, Ш. Бейшеналиева, К. Каимова, Ж. Мавлянова, Т. Касымбекова, Ш. Садыбакасова, С. Омурбаева, новые романы того же Т. Сыдыкбекова, Н. Байтемирова и др. Оригинальность творческого почерка того или иного киргизского автора литературовед видит только там, где он свободен от всяких литературных воздействий. Малейшие отклонения, с точки зрения автора, в показе этнографических особенностей, быта народа сразу же объявляются руспфикацией самобытного киргизского национального характера. Отсюда склонность критика рассматривать национальное как неизменную, застывшую категорию, не подвластную изменениям, развитию. Не случайно в книге так широко и не ставится вопрос о влиянии русской и литератур других народов на развитие киргизской советской литературы. Получается, что национальная литература развивалась только в герметически замкнутом мире своих исконных традиций.

Вдобавок ко всему этому Н. Никипорец действует так, как будто ему приходится начинать на пустом месте. В книге нет ни единой ссылки на источники, связанные с исследованием киргизской литературы. Трудно сказать, чего здесь больше — гипертрофированного самомнения или же элементарного неуважения к труду коллег? Но ясно одно — автору не удаётся играть роль первооткрывателя в киргизской литературной теории, потому что его книга по существу является компиляцией, извращенной версией тех концепций, мнений, которые были выработаны киргизским литературоведением.

Работа К. Бейшембаева получила правильную и принципиальную оценку на секции критики Союза писателей Киргизии. В ней творчество народного поэта Киргизии А. Токомбаева представлено искаженно, в обедненном виде. Благие намерения критика, не подкрепленные элементарной теоретической подготовкой и художественным вкусом, обернулись вульгаризаторской трактовкой самой природы литературы. Книга — само воплощение отсутствия всякой живой мысли. Почти на каждой ее странице встречаются предложения, составленные в полном разладе с нормами современного киргизского литературного языка. Можно привести только один факт, сви-

детельствующий об уровне работы. В самом ее начале, на седьмой странице, мистифицируя факты, автор утверждает, что казах Абай, татарин Тукай, узбек Фуркат воспевали победу Октябрьской революции, преимущества Советской власти, хотя доподлинно известно, что они жили задолго до этих исторических событий.

Появление книг К. Бейшембаева и Н. Никипорца — печальный факт для нашего литературоведения. В них критическая мысль отброшена на десятилетия назад. Возникает вопрос: каким образом становится возможным издание подобных работ, являющихся анахронизмом в нашей сегодняшней творческой практике?

В связи с этим, нам кажется, надо остро поставить вопрос об ограждении творчества наших ведущих писателей от критико-исследовательской профанации, опошления. К. Укаев в статье «Талант критика — редкий талант» [1] совершенно верно приводит в качестве примера упрощения, вульгаризации проблем литературы статью А. Мамбеталиева «Время и герой» в журнале «Ала-Тоо» (№ 12, 1971), посвященную творчеству Ч. Айтматова. Статья состоит из набора общих фраз, неверных определений, беспомощных предложений, повторяющих общеизвестные мысли и не раскрывающих своеобразие художественного видения писателя.

Гениальный Белинский, как известно, приступая к написанию серии статей о Пушкине, испытывал нечто похожее на благоговейный ужас перед сложностью такой задачи. К сожалению, многим нашим литераторам незнакомы подобные чувства. Обладая избытком уверенности при отсутствии необходимых качеств, знаний, иные авторы берутся за разработку, прямо скажем, непосильных для них проблем творчества. В результате появляется еще один опус, несущий на себе отпечаток бесплодности авторской мысли. Если не воздвигнуть заслона на пути дилентантизма, воинствующего невежества, движение вперед в области литературоведения и критики по-прежнему будет сопровождаться ощутимыми потерями и трудностями.

Дилетантизм в нашей критике проявляется по-разному. Наиболее характерный его пример — калькирование, механическое перенесение на почву киргизской литерату-

[1] *К. Укаев.* Талант критика — редкий талант. «Кыргызстан маданияты», № 9, 1972 г.

ры явлений, закономерностей других литератур. Такое перенесение имеет место не только там, где речь идет об особенностях существования общих проблем, но и там, где объектом критического рассмотрения служит творчество отдельного автора. В результате возникают противоречия между подлинным содержанием произведения и заданностью подхода к его анализу.

Есть другая строна проявления дилетантизма в критике. Как известно, Герцен определил дилетантизм как «любовь к науке, сопряженная с совершенным отсутствием понимания ее». Это определение точно выражает сущность дилентантизма и в литературной критике. Отвечая на вопрос редакции «Литературной России», Николай Грибачев в несколько деликатной форме поставил вопрос: «быть может, графоманы водятся только в поэзии и прозе, а в критике их не бывает?» [1] Вопрос вполне резонный и мы бы ответили на него прямо. К сожалению, графоманы водятся и в критике, притом не так уж редко. На наш взгляд, графоманство и дилетантизм в этой области явления одного порядка. Правда, портрет графомана в критике может быть дан в несколько ином обрамлении, чем в самой литературе. Он, например, не обязательно плодовитый автор, но он обязательно педант, схоласт, не умеющий видеть за отдельным целое, за единичным — общее. И любовь таких авторов к литературе, их желание непременно поделиться с читателем своими отягощенным педантизмом мыслями слишком дорого обходятся для подлинных эстетических чувств и вкусов.

Повышению авторитета литературной критики не способствуют и такие случаи, когда с упорством, достойным лучшего применения, отдельные авторы отстаивают неправильные взгляды, из года в год свои концепции строят только на творчестве одного — двух, по большей мере нескольких писателей. Искусственно созданная локальность объекта художественного анализа, естественно, сужает поле зрения критики, мешает широкому охвату всего многообразия творческих индивидуальностей, стилевых особенностей тематико-проблематического богатства литературы и делает зыбкой основу самого теоретического обобщения. Даже такой, например, серьезный критик, как К. Асаналиев, страдает определенной односто-

[1] «Литературная Россия», № 48, 1971 г.

ронностью в подходе к исследуемым явлениям. У него в качестве примера положительных или отрицательных явлений в литературе фигурируют преимущественно одни и те же произведения и авторы. В такой методологии проявляется не только эстетическая узость авторской позиции, но и стремление свести всю совокупность литературного процесса к творчеству отдельных или нескольких писателей.

Разумеется, в критике никогда не возбранялось быть однолюбом, и речь идет не о запрещении или нежелательности углубленного исследования творчества одного писателя, одной проблемы или одной темы. Подобная мысль, являющаяся следствием неправильного понимания вопроса, прозвучала, например, в некоторых статьях дискуссии, развернувшейся на страницах еженедельника «Кыргызстан маданияты». Речь идет о том, чтобы в глазах критика отдельные писатели или произведения не заслонили собой всю многогранность литературной жизни, взаимообусловленность самых различных тенденций, чтобы любовь к известным именам, фактам, постоянство творческого интереса не принимали формы нежелательного субъективизма. Постановление ЦК КПСС своевременно нацеливает нас на исключение из критики приятельских и групповых пристрастий.

Среди причин, роняющих честь, авторитет критики, надо особо выделить проявления эстетической глухоты, неспособности воспринимать искусство в его неповторимых свойствах, красках. Иные литературоведы анализируют, скажем, поэзию, не иначе как взвешивая каждое слово, каждую строку на аптекарских весах, препарируя живую мысль, убивая поэтический образ. Невольно вспоминается Сальери с его признанием, что он «умертвив звуки, музыку разъял как труп».

Так, например, некоторые статьи упомянутой нами книги литературоведа Б. Маленова оставляют впечатление, что автор задался целью продемонстрировать во всей своей обнаженности малопродуктивный метод хирургического скальпирования поэтической образности. Ученый анализирует некоторые стихи С. Эралиева, вызвавшие в свое время горячие споры среди литераторов. Для ясности надо сказать, что в данном случае мы не выступаем с оценкой дискуссий, ставших фактом истории. Ныне мы имеем дело с установившейся точкой зре-

ния на поэтические искания С. Эралиева. Были неправы и те, кто превозносил достоинства так называемого свободного стиха поэта, и те, кто целиком его отвергал. Мы же здесь будем говорить только о некоторых моментах интерпретации литературоведом своеобразия поэтического восприятия действительности, потому что проблема касается не только творчества одного поэта.

Б. Маленов, подобрав такие строки, как, например, «звонкоголосые осколки звезд», «ручейки, заливающиеся смехом», «не капая, застывшее время», и т. п., делает вывод, что киргизы так не говорят. Конечно, если киргизов взять как некую абстракцию, или же если взять каждого киргиза в отдельности, то они могут так и не говорить. Но поэзия таким образом говорить может. Если хотите, это ее стихия.Что бы сказал ученый о таких прекрасных строках Есенина, как «отговорила роща золотая березовым, веселым языком». Ведь здесь нет принципиальной разницы между «березовым языком рощи» и «звонкоголосыми осколками звезд». Литературовед искренне возмущается утверждением поэта о том, что запахи могут окрашиваться в различные цвета, что они бывают белые, желтые, зеленые.

Что сказать по этому поводу? Не отсылать же критика, как студента, к хрестоматийной статье А. М. Горького «Поль Верлен и декаденты», где анализируется так называемый «цветной сонет» Рембо, в котором каждая буква или звук обладает своим цветом — красным, розовым, белым? Не ссылаться же на современные научные эксперименты, устанавливающие тесную связь, существующую между запахами, звуками и цветами? Наконец, не напоминать же о том, что недавно в Москве состоялся первый большой концерт цветомузыки, во время которого музыкальные звуки и темы сопровождались изображением на экране соответствующих цветов и их сочетаний? Научно доказано, что в сочетании с цветами и светом музыкальные образы оказывают более яркое и глубокое воздействие на слушателей.

К. Артыкбаев в некоторых материалах своего сборника критических статей «Критика в пути» отдельные примеры истолковывает в таком же духе. Цитируя строки С. Эралиева «звезды-колокольчики», «звезды — дождь зеленого светофора», «звезды — это завтрашний я», он говорит, что в этих головоломных сравнениях нет ничего

вразумительного, что они способны только заморочить читателям голову. Конечно, было бы неправильно видеть в названных строках С. Эралиева лучшие образцы современной поэтической культуры. Они являют собой пример избыточной образности. Когда их слишком много в произведении, то это производит впечатление нарочитости, искусственности. Например, в том, что поэт сделал из строки «звезды — завтрашний я» одну главу, есть просто нечто от позы, кокетства, эстетства.

Вместе с тем, когда и у других современных поэтов читаешь подобные стихи, то возникает естественное желание понять прежде всего природу искусства, воспроизводящего мир в образной целостности, картинности и яркости. Например, болгарский поэт С. Караславов в стихотворении «Открыватели галактик» пишет: «Мы ведь пока еще люди, звездами станем потом».

Из-за вот такого несколько прямолинейного, буквалистского понимания свойств поэзии К. Артыкбаев, рассматривая стихотворение молодого поэта Ж. Мамытова «Великий марш», допускает неточность. Критика смущает строка «люди строят миры (Вселенную)». Литературовед считает, что здесь молодой поэт перестарался, потому что люди никогда не смогут построить миры. Конечно, если подойти к смыслу строки буквально, критик окажется прав,— живя и находясь на «планете людей», по прекрасному выражению Сент-Экзюпери, человек не в состоянии строить новые миры, управлять мирозданием. С другой стороны, слишком ясно, прозрачно и то, что образы людей, строящих у Мамытова миры, генетически очень близки к образу Человека у Межелайтиса, который, стоя на Земле, держит на ладони Солнце. Как говорится, планетарный масштаб символического обобщения присутствует у обоих авторов. Но если быть еще точнее, то сразу же обнаруживается неоригинальность Ж. Мамытова, подражающего раннему А. Вознесенскому. Ведь именно Вознесенский написал известные строки: «Мы не ГЭС строим, а строим миры». Так что литературоведу следовало адресовать свои замечания другому автору.

Критик неточен и в другом случае, когда на 244 странице своей книги, ссылаясь на марксистско-ленинское учение, выражает сомнение в правильности мысли поэта о том, что изменение убеждений приводит к изменению общества. По мнению автора, общество развивается по

своим, не зависящим от сознания человека законам. Критик здесь недооценивает значение убеждений в развитии общества, объективные законы которых раскрываются и используются людьми. Если бы человек бездействовал, полагаясь только на саморазвивающиеся объективные закономерности общества, то трудно было бы совершать революции, социальные преобразования. Марксизм-ленинизм всегда отводил политическому, идеологическому воспитанию масс решающую роль. Общеизвестна ленинская мысль о том, что сознание не только отражает, но и творит мир. XXIV съезд КПСС особо подчеркнул возрастающее значение марксистско-ленинского образования коммунистов в современных условиях как одну из эффективных форм воспитания сознательности и активности людей. Без общественной сознательности, убежденности нельзя успешно строить коммунизм. Идеи, убеждения, овладевшие массами, становятся силой, способной изменять общество, служить рычагом социального прогресса. Попытка литературоведа обосновать свое предположение ссылкой на марксистско-ленинскую философию получилась неудачной. Литература, являющаяся человековедением, не должна занимать пассивно-созерцательную позицию, уповая только на самодвижущиеся механизмы общества.

Вообще надо сказать, что повышение авторитета литературной критики не в последнюю очередь зависит от четкого осмысления роли, которую она играет в системе наук и искусств по своей природе, познавательной сущности. Например, литературная критика, как одна из форм общественного сознания, выражает важную сторону диалектики соотношения исторического и логического в развитии художественной мысли. Жизнь образа или же литературного процесса в целом составляет, как известно, историческое. Логика этого исторического развития запечатлевается в систематических выступлениях литературной критики. Следовательно, для получения целостной картины исторической жизни основных художественных идей, тенденций, приемов, стилевых своеобразий все они должны подвергаться логической обработке, осмыслению. Функцию эту, наряду с литературоведением и эстетикой, как раз и выполняет литературная критика. Значит, в широком познавательном плане никак нельзя рассматривать критику просто как один из жанров, видов

искусства и растворять ее в них, как это часто делается. Если мы действительно хотим повышения роли литературной критики, то, видимо, всегда надо будет помнить об особой позиции, которую занимает она по отношению к художественной практике. Специальное Постановление ЦК КПСС о критике, на наш взгляд, в ясной форме подчеркивает специфическую роль литературной критики в художественной критике, в эстетическом воспитании масс.

Есть еще одна проблема, связанная с идейно-теоретическим уровнем критики и приобретающая морально-этическую окраску. Это проблема творческой судьбы отдельных писателей. Мы сталкиваемся с фактами, когда человек, на протяжении многих лет выступавший как писатель, выпустивший не одну книгу прозы или поэзии, все-таки не состоялся как художник. Такой автор не может понять и примириться с мыслью, что после стольких лет более или менее благополучной жизни на ниве литературы отвергается рукопись его очередной книги. Понятна вся щекотливость подобной ситуации. Не так-то легко внушить ему, что представленная рукопись совсем не отвечает духу времени, что она не отражает возможностей современного искусства.

В возникновении такого положения, кроме всех других факторов, причин, свою роль играет непринципиальность критических выступлений. Не только умалчивая недостатки, но и публикуя время от времени одобрительные рецензии, статьи, критика нередко на искусственном дыхании поддерживает притязания иных графоманов утвердиться в литературе. Она еще не научилась принципиально и по-партийному вовремя предупредить человека, что литература — не его призвание. Критика наша еще не умеет пользоваться таким эффективным средством, как внушение пишущим чувства эстетического стыда за ремесленные поделки. В результате всего этого не так уж много найдется подлинных произведений искусства среди книг, которые ежегодно появляются на книжной полке.

Известно, что острота критической мысли, ее зрелость проверяются тем, насколько активно и настойчиво критика вмешивается в живой литературный процесс, как предугадывает она основные тенденции и направления художественных поисков, какую своевременную поправ-

ку дает она отдельным отклонениям и творческим срывам писателей. Киргизская литература, находясь сегодня на новой качественной ступени своего развития, переживает, как и другие литературы нашей страны, процесс дальнейшего обновления художественного мышления, традиций. Новое качество осмысления действительности сейчас достигается не броской декларацией каких-либо небывалых принципов, приемов художественного обобщения, а незаметным, но решительным поворотом в сторону обострения социального зрения, раскрытия нравственных мотивов в людских поступках. Большинство наших писателей сознает, что принципиальные успехи в творчестве завоевываются не на пути провозглашения отвлеченных лозунгов, общих призывов, а на пути усиления социального пафоса исследования жизни. Можно сказать, что идейно-социальный подход к отображению людских характеров и событий сегодня служит для писателей настоящим пробным камнем серьезности, важности их художественных замыслов. И многие недостатки в творчестве наших авторов, разумеется и достижения, отражают эти попытки писателей подвергать жизненный материал социальному анализу, выявлять общественно-политический пафос событий. Такие тенденции составляют сейчас существенную сторону литературного процесса в республике, и критика не приступила еще к их всестороннему исследованию и изучению.

Возьмем проблему традиций и новаторства в современной киргизской литературе, имеющую прямое отношение к процессу обновления художественного мышления. Эта важнейшая проблема не получила еще в нашей критике глубокой научной разработки, не рассмотрена в аспекте образования новых связей, качественного состояния в художественном сознании народа. У нас уже стало правилом, что о традициях и новаторстве заговариваем только тогда, когда есть явные признаки отклонения от привычного, например, появление поэтических произведений, написанных свободным размером, открытое использование писателем фольклорных образов и мотивов. Во всех остальных случаях как будто проблемы этой не существует.

Недиалектическое, узкое понимание проблемы традиций и новаторства в наиболее выпуклой форме проявилось и в спорах о правомерности существования в кир-

гизской поэзии свободного размера и белого стиха. Возможность плодотворного взаимопроникновения, взаимоскрещивания традиционных и несвойственных киргизскому стиху форм, способность и той и другой поэтики исполнять роль как консервативных, так и прогрессивных тенденций, стремлений в литературе здесь исключались или же игнорировались. Усилия критиков были направлены прежде всего на выяснение авторского приоритета в использовании свободного размера. Пытались определить, кто начал первым — Эралиев или Рыскулов, Султанов или Абылкасымова, или же М. Элебаев и Ж. Турусбеков? Таким образом, с самого начала споры приняли несколько односторонний и нетворческий характер.

Главный же вопрос состоял в определении того, к каким смысловым, образным обновлениям приводят новые элементы и какие есть предпосылки для расширения внутренних возможностей традиционной поэтики. Совершенствование традиционных форм стиха — один из путей развития, обновления, поэтического восприятия мира, достижения новой высоты поэтической культуры. Сейчас происходит дальнейшая ломка образного мышления киргизов. Возникают новые мыслительные конструкции, отображающие усложнение художественных вкусов и представлений народа. В сфере искусства основательные изменения подготавливаются и совершаются и в спокойных в своих внешних проявлениях движениях, процессах, которые, тем не менее, выражают глубинные течения и сущность происходящего.

В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на другой момент проблемы традиций и новаторства, на ее локальный разрез. Это вопрос о взаимовлиянии киргизских писателей, о традициях ведущих авторов. У нас более или менее удовлетворительно исследованы традиции А. Осмонова и влияние его на киргизскую поэзию. О творчестве других известных наших писателей еще нет разговора в таком плане, нам думается, не потому, что подобной проблемы не существует. Исследовательская мысль еще не проникла в лабораторию, где идет сложный процесс взаимного притяжения и отталкивания творческих индивидуальностей, стремлений, учебы и подражания. Например, какое влияние оказывают на киргизскую прозу, на ее стилистику, образный строй, романная форма, сложившаяся в творчестве Т. Сыдыкбекова,

К. Баялинова, К. Джантошева и др.? Или же как учитывается молодыми авторами творческий опыт А. Токомбаева, К. Маликова, Т. Уметалиева, А. Токтомушева и др. в поэтическом освоении народных судеб, социально-экономических преобразований, осуществленных у нас за годы Советской власти?

Или взять творчество Ч. Айтматова. Мы правильно говорим о тесных связях творчества писателя с предшественниками, с традициями киргизской профессиональной литературы. Но нам кажется, что вопрос рассматривается несколько односторонне. Между тем литературоведение еще не приступило к изучению проблем традиций Айтматова в киргизской литературе, проблемы интересной и сложной. В работах мало обращается внимания на диалектический характер взаимоотношений творчества писателя и национальной литературы.

Надо ответить и на такой вопрос: каким образом то новое, что есть в произведениях Ч. Айтматова, стало или становится традицией киргизской литературы, оказывающей глубокое влияние на весь художественный процесс?

Здесь хотелось бы привести одно высказывание критика К. Бобулова из его книги «Пути развития реализма в киргизской прозе»: «Ч. Айтматов обязан своим творчеством предшественникам, но это отнюдь не означает, что он рос без забот, в готовой литературной колыбели своих старших братьев. Наоборот, скорее хочется сказать, что он разбил эту колыбель».[1] Подобное образное сравнение в принципе правильно и не вызывает особого возражения, поскольку любое новое не входит в границы былого без того, чтобы не раздвинуть, расширить его. Развивающееся, прогрессивное, как правило, ломает рамки существующего, пока не обретет новую форму своего бытия. В подобном отрицании вообще проявляется всеобщий закон диалектического развития природы, человеческого общества и сознания. Применительно к искусству отрицание, как момент диалектического развития, имеет полную силу необходимости и закона.

Но, удачно используя образ разбитой колыбели, К. Бобулов несколько рискованно оперирует найденным выражением, упускает из виду существенный момент.

---

[1] *К. Бобулов.* Пути развития реализма в киргизской прозе. «Мектеп», Фрунзе, 1969, стр. 127.

Критику важно было подчеркнуть не только разрушительный характер отрицания, но и его созидательную способность. Марксизм-ленинизм всегда выступал против метафизического понимания отрицания, отрывающего отрицательное от положительного. Нам нужно, писал В. И. Ленин, «не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание.., а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного».

В оценке явлений искусства, в том числе и творчества отдельных художников, мы полностью должны исходить из данного теоретического положения. Критик В. Оскоцкий в своем выступлении на совещании в Баку, посвященном обсуждению вопросов взаимодействия и взаимовлияния советских литератур, правильно подчеркивает, что у Бобулова «в анализе идей и образов Ч. Айтматова ведущим оказывается мотив разрушительный: писатель разбил колыбель предшественников, отверг их традицию... Но в то же время разве неверно было бы сказать, что своим новаторским поиском Ч. Айтматов обновил национальную традицию, углубил и обогатил ее, дал ей новое идейно-художественное качество, наконец, сам стал национальной традицией».[1] Действительно, критика обязана не только констатировать разрушение оков, произведенное художником, но и определить силу антеева притяжения таланта писателя к земле, от которой он оторвался. Только таким образом можно осмыслить правильно то, что Ч. Айтматов, оттолкнувшись от национальной художественной почвы и достигнув новой ступени, опять возвращается к ней на более высокой идейно-художественной основе, чтобы способствовать образованию новых эстетических ценностей, качеств. Иначе получается вообще отрицание во имя отрицания без сохранения положительного, без возвращения к истокам. К этому надо еще добавить, что киргизское литературоведение и критика еще не раскрыли во всем эстетическом богатстве идейно-художественную новизну творчества Ч. Айтматова, все многообразие связей его с живым литературным процессом. Работы К. Ашымбаева, М. Селиверстова, в том числе и серьезная в научном отношении книга К. Асаналиева, упомянутая нами вначале, а также многочисленные

[1] Единство — в многообразии. «Литературная газета», № 13, 1971 г.

статьи, исследования в специальных выпусках, изданиях, еще не дают достаточно полного представления о своеобразии художественного дарования талантливого писателя. Их следует рассматривать как первые попытки на пути всестороннего изучения творчества Ч. Айтматова, дальнейшего углубления исследовательского ока в общефилософские, эстетические и социальные основы его произведений.

Актуальность выявления в литературном процессе индивидуальных творческих манер, почерков и их взаимодействий обусловлена целым рядом веских причин. Одна из них — возникновение в киргизской литературе волны подражательства, эпигонства. Есть древняя, никем не установленная традиция, по которой молодые авторы подражают более опытным или же творчески слабые — более сильным. Но у нас наблюдается очень своеобразное, даже парадоксальное положение — молодые подражают молодым, тем, кто сам еще не определился творчески. Отсюда — поверхностность впечатлений и восприятий начинающих авторов, узость общественных представлений героев их произведений.

Большая доля вины лежит здесь на критиках, не сумевших распознать эпигонскую сущность многих литературных явлений, драпирующихся в одежды оригинальности. Многие значительные произведения киргизской литературы такие, как, например, романы А. Токомбаева «Перед зарей» и Т. Сыдыкбекова «Среди гор», всесторонне и глубоко не проанализированы с точки зрения их взаимодействия с литературным процессом, влияния на формирование у писателей, особенно молодых, самостоятельного подхода к жизни, техники владения художественным материалом. Тогда было бы гораздо легче обозревать более широкий аспект литературной преемственности, вскрывать подражательскую сущность многих художественных фактов, писательских дебютов.

У нас есть, например, молодой поэт Ж. Мамытов, неплохо начавший свою творческую биографию двумя книжками стихов. Его почерку свойственны приподнятость чувств, романтическое восприятие действительности, профессионализм владения поэтической техникой, умение придавать абстракциям, отвлеченным понятиям образную окраску. Присущие молодому автору творческие мотивы, образность, приобретшие довольно устойчи-

вый характер, с особой рельефностью проявились в стихотворениях «Романтика», «Приглашение к надежде», «Молодость», «Монолог поэта» и т. п.

И вот некоторые молодые авторы стали, как по указке, подражать манере Ж. Мамытова или, попросту говоря, создавать свои варианты мамытовских тем, мотивов. Можно назвать только отдельные из этих версий. С. Дуйшеналиев в стихотворениях «Высота», «Мы» («Кыргызстан маданияты», № 21, 1968), И. Мансуров в стихотворении «Жил бы я в вышине» (там же, № 48, 1967), Биримкул Алыбаев в стихах «Дороги жизни» (там же, № 39, 1970) — герои произведений этих и ряда других авторов, вслед за лирическим героем Ж. Мамытова, устремлены к самым высшим точкам мира, туда, где чище воздух, где пасутся дикие стада киков и где юноши срывают звезды, как яблоки с ветвей и т. д. Речь здесь идет даже не о созвучиях отдельных элементов, речь идет о заимствовании, о копиях, лишенных свежести оригинала. Перечисление подобных фактов можно было бы продолжить. Мы уже не говорим об удивительной схожести творческих манер Ж. Мамытова и другого молодого поэта Турдалы Алыбаева, рано ушедшего от нас. Иногда кажется, что многие стихи этих двух поэтов написаны одним автором. Кто кому здесь подражает — вопрос, требующий особого рассмотрения.

Пагубность подобного рода поэтических рефлексий, подражательских тенденций, довольно активно проявляющих себя в такой особо чувствительной к внешним воздействиям среде, как мир начинающих авторов, очевидна. Они ведут к притуплению у молодых гражданских чувств, выработке привычек к штампам. Сам Ж. Мамытов еще не нашел окончательно своего творческого лица, переживает стадию становления своего дарования и идет пока к творческой зрелости неровными шагами. Тому свидетельство — новый сборник стихов «Голубая вселенная», в котором не чувствуется заметного творческого роста автора. Здесь есть повторение мотивов, образов и приемов, удачно использованных в первой книжке. Кое-где голос поэта срывается на декларацию, общие призывы. Мы говорим об этих недостатках в новых произведениях Ж. Мамытова, чтобы еще раз напомнить ему о трудности восхождения к поэтическим вершинам. А поэт он, несомненно, способный и многообещающий.

Мы здесь назвали только некоторые факты обесценивания художественного слова, инфляции мотивов, образов, кочующих из одной книги в другую, из одного произведения в другое. Вот где нужен тонкий и умный критический анализ.

Кстати, о чуткости критики к различным колебаниям литературной атмосферы, об объективности подхода к оценке художественного процесса.

К сожалению, критики поддаются эмоциям, делая скороспелые выводы или же тенденциозно обобщая факты литературной жизни. Например, литературовед М. Борбугулов в выступлении за «круглым столом», организованном редакцией журнала «Вопросы литературы», допускает ряд неправильных, противоречивых суждений, выводов о некоторых явлениях киргизской литературы.[1] Говоря об учебе киргизских писателей у других русских классиков, он противопоставляет одних авторов другим. Так, по мнению литературоведа, К. Баялинов не пошел дальше простого подражания и обучения литературной технике, в то время как У. Абдукаимов достиг значительных успехов по пути сознательного, творческого освоения принципов русской классической, советской и мировой литературы. При этом ссылка на свидетельства самих писателей страдает одной существенной неточностью — забываются исторические условия, в которых проявляются законы эстетической преемственности.

В другом месте литературовед заявляет, что «роман... еще непривычен для киргизской литературы». Но тут же, противореча себе, говорит: роман «Битва» У. Абдукаимова стал итоговым произведением в развитии этого жанра в киргизской литературе. Здесь трудно свести концы с концами — то роман еще непривычен для киргизской литературы, то можно уже подводить итоги его развития.

Безусловно, «Битва» У. Абдукаимова является одним из лучших произведений киргизской прозы последних лет. Но зачем подводить одним произведением итоги развития целой жанровой формы во всей литературе?

На пленуме правления Союза писателей Киргизии, состоявшемся в октябре 1971 г., был обстоятельно рассмотрен вопрос о новом для киргизской литературы жан-

---

[1] *М. Борбугулов.* Цель — художественное исследование действительности. «Вопросы литературы» 1971, № 9.

ре — жанре исторического романа. Сейчас нет необходимости возвращаться к нему еще раз, поскольку в оценке произведений на тему исторического прошлого мы исходим из общеметодологических принципов, и суть вопроса для нас ясна. Нас должен интересовать не сам факт обращения писателя к исторической теме, а позиция, с которой она освещается. Публикация отрывков нового произведения Ч. Айтматова, посвященного жизни киргизов XVII века, лишний раз свидетельствует о том, насколько постоянен сейчас интерес наших авторов к минувшему, что ныне это составляет одну из важных сторон текущего литературного процесса в республике.

Нельзя здесь допускать ни игнорирования сложности проблемы, ни упрощения и искажения ее. Между тем такие факты у нас есть. Например, в уже упомянутом выступлении М. Борбугулова в редакции журнала «Вопросы литературы» поставлена цель во что бы то ни стало очернить роман «Сломанный меч» Т. Касымбекова.

Нам меньше всего хотелось бы здесь выступать в роли апологета романа, потому что само произведение своими достоинствами может защитить себя. Обстоятельная оценка романа, анализ достоинства и недостатков его — дело литераторов, авторов специальных исследований и статей. Мы говорим здесь только об объективном подходе к произведению, исключении из оценки личных мотивов, соображений.

Речь идет прежде всего о порочности методологии литератора, исходящего из априорных умозаключений и определений, а не из реальных качеств оцениваемого произведения. Как известно, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» подверг критике этот априорный метод, согласно которому свойства какого-либо предмета познаются не путем обнаружения их в самом предмете, а путем логического выведения их из понятия предмета. «Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием».[1] Обратимся только к одному моменту из выступления М. Борбугулова, состоящего в основном из передержек, необоснованных наско-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 20, стр. 97.

ков. «В романе Т. Касымбекова, — утверждается там, — отрывочные и разрозненные факты истории собраны дотошно, но они не прошли через творческое горнило, не были осмыслены, не соотнесены с социальным и эстетическим опытом сегодняшнего дня».

Тут что ни фраза, то мимо. Автор допускает по крайней мере два неверных утверждения. Нельзя сказать, что факты истории не проведены в произведении через творческое горнило писателя. Дело здесь обстоит как раз наоборот. «Дотошные факты», по выражению М. Борбугулова, подвергаются в книге основательному художественному осмыслению, и тем самым осуществляется синтез исторического и художественного, который соотносится с социальным опытом народа. Писатель показывает неизбежность падения Кокандского ханства как результат усиления социальных противоречий внутри общества и столкновения интересов могущественных калониальных держав из-за сферы влияния в этом районе мира. Особенно во второй книге романа отчетливо обрисована роль народных масс в ускорении исторически необходимых и прогрессивных процессов.

В романе есть очень важный момент, имеющий решающее значение в раскрытии идейно-художественного замысла автора. В произведении ясно показывается, что борьба народов, находящихся под игом кокандцев, за свою независимость и социальное освобождение объективно совпадает со стремлением, желанием наиболее прозорливой части населения к установлению прочных дружеских связей с могущественной северной страной — Россией. Отсюда и вырастает главная идейная и художественная проблематика романа, ради которой он и написан — проблема исторической необходимости, оправданности добровольного вхождения Киргизии в состав Российской империи.

Сегодня, когда киргизский народ вместе с другими народами готовится отметить 50-летие со дня образования могучего союза равноправных республик, мы с чувством уважения вспоминаем тех, кто в далекие и суровые времена искал сближения с русскими, сеял семена доверия и дружбы, которые дали ныне мощные побеги интернационального единства людей разных национальностей. Роман Т. Касымбекова несет читателям эту злободневную идею, и замалчивание ее можно объяснить не иначе,

как критическим пристрастием, доведенным до абсурда. Представив читателям журнала «Вопросы литературы» путаные, субъективные взгляды, литературовед злоупотребил высоким доверием редакции.

Отрицательное воздействие на литературный процесс оказывают и попытки с излишней поспешностью предугадать, предвосхитить оценку произведений под субъективистским углом зрения. Это проявляется, например, в рассмотрении рукописей. Нередко бывает, что новые произведения отдельных авторов еще задолго до появления в печати становятся объектом ажиотажа, вызванного стремлением отнюдь не литературного порядка.

Назовем только некоторые факты. Долгое время муссировались разные слухи о рукописи романа А. Саспаева «Парторг». Высказывались даже прямо противоположные мнения — одни считали произведение еще сырым, односторонне и искаженно показывающим жизнь современной деревни. Другие, наоборот, рассматривали его чуть ли не как новое в современной киргизской прозе, авансом давая ему непомерно завышенные оценки. Автор был дезориентирован, он не знал, кому верить. А при более спокойном, беспристрастном взгляде можно было бы обнаружить крайности полемического пыла. Роман обладает рядом положительных качеств, достоинств, хотя в рукописи он еще далек от завершенности. Образ парторга пока не стал в нем подлинным центром повествования, он живет отраженным светом окружающих людей. Отсюда подверженность главного героя рефлексии, инертность его характера, некоторая созерцательность натуры, обрекающая человека на пассивное восприятие различных жизненных ситуаций и людских отношений.

Киргизские писатели за последние годы делали неоднократные попытки отобразить роль коммунистов, ответственных партийных деятелей на селе. К сожалению, пока успех здесь не сопутствует нашим авторам. Они не создали еще подлинно значительные образы партийных работников, самоотверженных и крупных организаторов производства, масштабных мыслителей и идейно убежденных руководителей масс. В иных произведениях партийные деятели изображаются как абстрактные, призрачные и бестелесные существа, воплощающие некие ходячие истины и правила, лишенные живой человеческой плоти и естественных чувств. А отдельные авторы просто

допускают извращение сущности партийной работы, сводя ее к разбирательствам личных жалоб и конфликтов граждан. Это поверхностный и в корне неверный подход к столь важной общественно-политической проблеме. Именно за допущение подобных искажений в изображении партийных работников был подвергнут справедливой критике роман Ш. Абдраманова «Крестьяне».

Продолжая нашу мысль о случаях нетребовательного подхода к оценке рукописей, следует отметить, что иные авторы пренебрежительно, даже высокомерно относятся к критическим замечаниям. Вот один из таких примеров. Президиум Правления Союза писателей Киргизии обстоятельно обсудил рукопись романа М. Борбугулова «Парень из глухого аила». Было указано автору на серьезные идейно-художественные срывы романа, требующие коренной переделки всего произведения. Но, не считаясь с замечаниями, автор приносит вновь через несколько дней после обсуждения в Союз писателей свою нетронутую рукопись.

Между тем основные критические замечания касались не частных погрешностей, недостатков, которых в романе действительно много, а идейно-художественной сущности произведения, его концептуального аспекта. В объяснении отдельных общественных явлений герои романа исходят из различия социального происхождения, которое якобы в наше время предопределяет их критическое или позитивное отношение ко многим проблемам идейно-политической жизни общества. Отсюда делается вывод о существованиии на современном этапе у нас борьбы классов, вдохновляемой проводниками бай-манапской идеологии, классовыми врагами. На страницах рукописи читатель то и дело натыкается на развязные определения и заявления, противоречащие общепринятым взглядам и устоявшимся представлениям. В одном месте утверждается, что до сих пор киргизы не сложились в народ, нацию, что горы разделяют их не только физически, но и духовно.

Но самое странное в том, что нигде в романе подобные откровенно антинаучные, идейно ущербные, аполитичные заявления не получают отпора, должной оценки. Позиция автора растворяется во взглядах героев, и каждая фраза, мысль персонажей получают на страницах рукописи автономное существование, довершая картину

полной эклектичности идейно-художественной, композиционной структуры романа.

Путь к созданию высокоидейных и высокохудожественных произведений лежит и через беспристрастные обсуждения рукописей на секциях правления Союза, а также в соответствующих редакциях издательств. Мы должны добиться такого положения, чтобы работа с рукописями авторов отвечала требованию постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», где говорится «о создании в среде работников литературы и искусства обстановки высокой требовательности, правильного отношения к выступлениям критики».

В последнее время творческие секции правления Союза писателей Киргизии стали более принципиально подходить к рассмотрению рукописей литераторов, исходя из интересов читателей и воспитания масс на образцах высокого искусства. Например, исторический роман Ш. Уметалиева «Пламя в груди» был возвращен автору с серьезными замечаниями на коренную переделку и исправления. Секция прозы забраковала рукопись романа Т. Байгабылова «Мы вместе» как негодную в идейно-художественном отношении. В свое время первая часть романа после выхода в свет была подвергнута справедливой критике за серьезные недостатки. Также после тщательного обсуждения была возвращена автору на коренную переделку рукопись романа Т. Сыдыкбекова «Голубое знамя». Было указано, что в произведении, посвященном жизни воображаемой киргизской государственности V—VII веков, не соблюдены принципы историзма, имеет место идеализация социального строя прошлого, нет классового расслоения общества.

Рассматривая взаимодействие критики и литературного процесса, мы старались не выделять специально литературоведения, законно полагая, что в своих лучших проявлениях, идеале, критика и литературоведение должны дополнять друг друга, взаимопроникать и идти вместе. Но литературоведение, как наука, имеет свои отличительные особенности и свойства. У нас литературоведение пока очень медленными темпами раскрывает и развертывает заложенные в нем самом возможности. Фактическая и историографическая база исследований еще не отвечает высоким современным требованиям. Принципи-

альных завоеваний в области литературоведческих изысканий пока еще нет. Мало работ, посвященных проблемам литературной теории, истории жанров, художественного наследия прошлого. Существующие недостатки связаны прежде всего со слабой вооруженностью ученых четкими методологическими принципами литературоведческого анализа.

Несколько замечаний по поводу освещения на страницах наших литературно-художественных журналов и газет проблем искусства. Разговоры о нехватке профессиональных киноведов, театроведов, музыковедов и искусствоведов давно стали притчей во языцех. Но заметных сдвигов еще нет. Во многом по этой причине на страницах «Ала-Тоо», «Литературного Киргизстана» очень редко появляются квалифицированные статьи и рецензии, со знанием дела разбирающие назревшие вопросы развития искусства в республике. Из-за пассивности профессиональных критиков их место занимают самодеятельные сочинители. Но от вольных импровизаций доморощенных «искусствоведов» на темы живописи, музыки или театра бывает больше вреда, чем пользы. На пленумах Союза композиторов и Театрального общества Киргизии, посвященных работе с творческой молодежью и состоянию художественной критики в республике, а также на совещании по проблемам режиссуры, состоявшихся в 1972 году, очень верно говорилось о случаях публикации на страницах литературно-художественных изданий материалов, дезориентирующих читателей.

Подобные эксцессы в оценке художественных явлений лишний раз укрепляют нас в мысли о том, что малочисленность квалифицированных искусствоведов, теоретиков литературы продолжает оставаться одним из самых слабых мест в развитии критической мысли в республике. Отсюда низкий философский и эстетический уровень многих публикуемых книг, материалов по критике, а также проводимых обсуждений, дискуссий по проблемам литературы и искусства. Вот один из примеров. До сих пор нам памятна дискуссия о театре, драматургии и режиссуре, шедшая в течение полутора лет в газете «Кыргызстан маданияты». Иллюстрацией к научному уровню той дискуссии может служить такая существенная деталь — весь гвоздь разговора свелся к выяснению школярски понимаемого вопроса — режиссер является главной фигу-

рой в драматическом театре или актер? В обмене мнениями приняли участие не только читатели, неспециалисты, но и сами деятели театрального исскусства — режиссеры, актеры, театроведы. Тем не менее, никто из участников обсуждения не сумел направить ход дискуссии в нужное русло. Один из режиссеров, например, всерьез утверждал, что способный, талантливый режиссер из плохой пьесы может сделать хороший спектакль. Тут волей-неволей поощряется режиссерский произвол, узаконивается появление слабых или просто халтурных произведений. Так что за приблизительное толкование или упрощение специфики обсуждаемых проблем упрека заслуживают в какой-то степени и сами деятели искусства.

Профессиональных искусствоведов в республике можно перечесть по пальцам. К тому же они разобщены по творческим союзам, нет тесных контактов между самими искусствоведами, нет связей также между ними и литературными критиками.

Таким образом, анализ состояния современной киргизской литературной критики, ее соотношения с литературным процессом вносит некоторую ясность в общую картину движения критической мысли в республике. Внимательно вглядевшись в эту картину, легко заметить ее эскизность, незавершенность, отсутствие в ней целого ряда решающих компонентов. Многие проблемы только начали разрабатываться или намечены контурно.

Нам хотелось бы тут сделать замечание общего характера. Уровень современной советской литературной критики служит для киргизских авторов ясным ориентиром, следуя за которым они поправляют свой курс. То, что есть в общесоюзной критической жизни, в той или иной форме, безусловно отражается на динамике, состоянии критики в республике. Наши авторы, если они действительно хотят не только поспевать за практикой, но и идти впереди ее, должны внимательно прислушиваться к пульсу общесоюзной критической жизнедеятельности. Скажем, есть проблема теоретического осмысления общесоюзного литературного процесса, включающего в себя исторически подвижные формы взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур. Оно может быть плодотворным при правильном скрещивании сферы действий оперативной литературной критики и фундаментальных теоретических исследований. За последние годы

советскими авторами создано немало работ, в которых рассматриваются фундаментальные вопросы марксистско-ленинской эстетики, теории литературы, в том числе национального и интернационального в художественном творчестве.

Но нам кажется, что между приобретениями в фундаментальных трудах и их использованием в художественной практике имеется известный разрыв. Положения фундаментальных исследований не берутся в актив оперативной критической мысли, в выступлениях литературной критики не всегда ощущается дух научной основательности и точности оценок, присущий лучшим фундаментальным трудам, а нередко глубокий анализ социальной проблематики подменяется рассуждениями вокруг абстрактных мыслительных конструкций, взятых вне времени и пространства. И создается впечатление, что литературная критика — эта «движущаяся эстетика», как бы остается без своих движущих источников, создавая иногда статистические картины локальных художественных явлений, творческих биографий, а не панорамы литературного процесса. Названные недостатки целиком можно отнести и к киргизской литературной критике, где разрыв между критической практикой и теоретическими изысканиями, проблемными исследованиями еще более разителен.

По-прежнему проблемой номер один остается для наших критиков умение вести разговор на общесоюзном уровне, выходить за рамки местной проблематики. Литературные споры в республике обычно остаются вне тех плодотворных дискуссий, которые проходят в центральной прессе. Богатый опыт развития многонациональной советской литературы, достижения общесоюзной художественной теории своевременно не включаются в творческий актив киргизских критиков. Нередко в публикациях, работах по вопросам литературы пережевываются давно установленные истины. Умение увязать местные и общесоюзные проблемы — не только показатель теоретической зрелости критики, это просто необходимая основа, на которой должна стоять вообще современная профессиональная критика, где бы она ни существовала. В докладе Г. М. Маркова на V съезде писателей СССР советская литература рассматривается как явление, вбирающее в себя в нерасторжимом единстве все многообразие

конкретных художественных процессов, стилевых своеобразий и национальных особенностей. Литературная критика, независимо от ее региональных отличий, тоже должна выступать с едиными идейно-эстетическими критериями, отражая общность, целостность всего советского литературного процесса.

Единство творческого метода, разумеется, не отменяет необходимости исследования локальных проблем, наоборот, предполагает раскрытие неповторимых особенностей конкретных литературных явлений в их сопряженности с общими закономерностями, типологическими формами образного восприятия жизни. У нас в республике, например, успешно работает отряд русских писателей, творчество которых играет заметную роль в литературной жизни. Стихи и поэмы, очерки и рассказы, повести и романы С. Фиксина, В. Паршкова, Е. Ковского, Н. Удалова, А. Сальникова, Н. Чекменева, Л. Дядюченко, Я. Земляка, М. Меньшикова, Ф. Самохина, М. Ронкина, Ю. Смышляева и других давно стали неотъемлемой частью нашего литературного процесса. Но до сих пор, за исключением отдельных статей, рецензий, нет еще обобщающих работ и исследований, посвященных осмыслению значения, эстетического своеобразия русской поэзии или прозы Киргизии.

Представляет значительный интерес изучение вопроса о том, как, к примеру, преломляются в творчестве этих авторов общесоветские идеалы, традиции через восприятие особых, местных социальных типов, изображение психологических ситуаций и характеров. Плодотворна в этом плане идея, лежащая в основе статей А. Жиркова «Сплав синего и золотого» (в сб. «Поэзия жизни») и М. Рудова «Вторая родина моя» в его книге «Звенья открытий». Говоря о киргизской теме в русской поэзии, отраженной в стихах А. Суркова, С. Липкина, С. Щипачева, В. Цыбина, Ю. Гордиенко, а также в творчестве живущих в Киргизии русских поэтов, критики правомерно ставят вопрос об обогащении инонационального притока русской поэзии. Задача заключается, видимо, в том, чтобы более глубоко проанализировать, в какие образные, мировоззренческие, творческие взаимосвязи вступают русские авторы, обращающиеся к киргизской тематике, с современной киргизской литературой, следовательно, и со всей многонациональной советской литературой.

Сказанное здесь можно отнести и к дунганской литературе Киргизии. Творчество Ясыра Шивазы, например, не есть явление одной только дунганской литературы, и разбор его в разрезе художественных особенностей киргизской литературы дал бы немало интересного.

Если еще раз мы отметим здесь хроническое отставание нашей литературы в освоении индустриальной темы, то это будет лишь констатацией общеизвестного факта, ставшего уже, по справедливому наблюдению, общим местом в работах критиков. Но даже опасность повторения всем известной истины не освобождает нас от необходимости еще раз обратить внимание писателей на чрезвычайную важность проблемы создания образа рабочего в литературе. Слишком медленно пополняются ряды тех, кто посвящает свой талант жизни и труду рабочего класса. С. Сасыкбаев, А. Сальников — вот наш традиционный писательский «дуэт», за который хватаемся мы, как утопающий за соломинку, каждый раз, когда нужно вспомнить о работающих в этом направлении авторах. Поэтому любая попытка приблизиться к заветным пределам воспринимается как доброе предзнаменование. Таковым оказался, например, дебют Л. Дядюченко в рабочей теме повестью «Скарабей». Один из старейших киргизских поэтов К. Маликов за последние годы написал несколько поэм о жизни рабочих. Мы говорим только о фактах. Дело критики оценить их и наметить пути преодоления недостатков.

В слабом отражении в нашей литературе рабочей темы во многом повинна и критика. Она слишком рационалистично, «без любви и вдохновенья» пишет о рабочих, не умеет пробуждать в сердцах художников горячее желание приобщиться к миру создателей всего самого прекрасного и дорогого, что есть на земле. Иные критики в промышленном производстве видят прежде всего чисто технологические операции — овеществленные профессиональные навыки, стандартные отношения между машиной и управляющими ею людьми. Здесь техника заслоняет собой живого человека с его естественными чувствами и мыслями. Подобные предрассудки, фетишизация самого процесса производства удерживают многих потенциальных авторов рабочей темы на расстоянии от нее.

Если наши писатели, таким образом, еще не воссоздали яркий индустриальный облик сегодняшней социалис-

тической Киргизии, то это самым непосредственным образом сказывается на задаче полнокровного отображения темы современности. Ритмы и темпы сегодняшней общественной жизни во многом диктуются трудовым ритмом рабочего, стоящего за станком, у буровых установок, за рулем экскаваторов и горнорудных механизмов.

Беспокоит нас и то, что наши авторы по существу еще не приступили к осмыслению качественно новых явлений, возникших в психологии, социальном опыте народов и связанных с формированием исторически небывалой общности людей — советского человека, с властным вторжением во все сферы людского существования всевозможных благ научно-технической революции. Научно-технический прогресс глубого проник в быт, сознание людей, совершив переворот в способе получения информации о мире. Жизнь современного киргизского села или города нельзя сегодня представить без технических новинок, достижений науки.

Все это — благодатная тема для художественного обобщения. Между тем, у нас еще нет произведений, в которых делалась бы попытка осмыслить социальные последствия научно-технической революции.

Мало того. Есть случаи, когда отдельные писатели скептически относятся к завоеваниям человечества в области науки и техники, противопоставляя им вековые привычки и предрассудки. Волей неволей такие авторы выражают тоску по старине, по патриархальному быту, которые, разумеется, не нарушались грохотом баллистических ракет и шумом заводских станков.

Должен заставить нас глубоко задуматься и другой факт. За последнее время в поэзии, например, не было создано ни одного значительного произведения, посвященного современности, ставшего явлением в литературе и потому вызвавшего оживленный обмен мнениями. Творчество таких тружеников нашей поэзии, как Б. Сарногоев, С. Джусуев, Ж. Садыков, до сих пор не получает развернутого анализа в соотнесении с современным поэтическим опытом. Нуждается в доброжелательном критическом разборе творчество С. Абдыкадыровой, М. Буларкиевой, Г. Момуновой, Р. Рыскулова и др. Читатели с дружеской придирчивостью будут следить за новыми произведениями лауреатов комсомольских премий М. Абылкасымовой, Т. Кожомбердиева, Ж. Абдыкалыко-

ва, стремясь угадать прежде всего характер их дальнейших творческих поисков.

Без активного вмешательства критики по-прежнему «явлением в себе» остаются особенности развития романной формы в киргизской литературе. Не больше, чем роману, повезло в этом отношении другим прозаическим жанрам — рассказу, повести, очерку. Новые книги И. Сулайманова, К. Джусупова, А. Стамова, М. Сейталиева, С. Джетимишева, А. Джакыпбекова и других могли бы послужить предметом серьезных размышлений как о приобретениях, так и слабостях малых форм в прозе.

Критики в долгу и перед драматургией, ищущей, но пока не нашедшей прямых путей к острым современным конфликтам. Давно наши театральные подмостки истосковались по таким произведениям, как «Совесть не прощает», «Судьба отца», способным дать новое дыхание сценическому искусству, испытывающему трудности застойного характера. Произведения Т. Абдумомунова, К. Маликова, Б. Джакиева, Тойбаева и других авторов не подвергнуты глубокому квалифицированному анализу с точки зрения современной теории драмы. По существу остается без внимания детская литература. Новые произведения М. Джангазиева, А. Кыдырова, И. Исакова, М. Турсуналиева и других не подвергаются критическому анализу.

Как известно, в процессе сближения и взаимообогащения культур важную роль играет художественный перевод. Именно через перевод киргизские читатели ознакомились с лучшими произведениями русской классической и советской литературы. Но состояние художественного перевода еще не отвечает должным требованиям. Серьезные недостатки, существующие в этом деле, были вскрыты в специальном Постановлении бюро ЦК КП Киргизии «О состоянии и мерах улучшения художественного перевода в республике».

Одним словом, перед сегодняшней киргизской литературной критикой стоит масса проблем. Правление Союза писателей Киргизии должно перестроить работу секции критики, соответствующих отделов редакций таким образом, чтобы она полностью отвечала духу Постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». У нас нет основания заниматься самоуспокоением.

Проведение коллективных обсуждений назревших вопросов художественного творчества не стало у нас еще нормой литературной жизни. Организация дискуссий по актуальным проблемам, а также отдельным произведениям литературы является одной из главных форм повышения активности критики, ее идейно-теоретического и профессионального уровня. Тут решающая роль принадлежит редакциям журналов «Ала-Тоо» и «Литературный Киргизстан», газеты «Кыргызстан маданияты».

Практика показывает, что при желании и хорошей организации можно добиться активного участия ведущих критиков в обмене мнениями по тем или иным вопросам. В начале этого года в течение нескольких месяцев на страницах еженедельника «Кыргызстан маданияты» шел плодотворный разговор о состоянии и путях дальнейшего развития киргизской литературной критики, приуроченный специально к Пленуму правления Союза писателей, который, без преувеличения можно сказать, вызвал большой интерес у писателей, художественной общественности. Почти все известные киргизские критики и литературоведы поделились своими мыслями о нуждах обсуждаемого жанра. В результате наметился круг проблем, дальнейшая разработка которых должна снять известную оторванность состоявшейся дискуссии от самого литературного процесса.

Определенную пользу делу оживления критической мысли принесли обсуждения на секции критики ряда книг и монографических исследований наших авторов. Обсуждения эти мы рассматриваем и как эффективное средство создания творческой, деловой атмосферы среди литераторов. Кстати, они показали, что у нас продолжают выходить работы, дискредитирующие вообще критику как особый вид творчества.

Сейчас задача состоит в закреплении того положительного, что найдено в работе с критиками, и от риторических вопросов перейти к поискам самых разнообразных форм сближения литературной теории с художественным процессом.

Все писатели, актив критиков должны способствовать созданию обстановки высокой требовательности, принципиальности, исключающей возможность появления идейно незрелых, слабых в художественном отношении произведений. Для этого, надо сказать, у нас созданы хо-

рошие предпосылки. Мы имеем в виду прежде всего специальные решения бюро ЦК КП Киргизии по вопросам литературы и искусства, принятые за последнее время. Они сыграли важную роль в очищении литературной атмосферы от некоторых наслоений. В этих решениях указывалось на серьезные недостатки, имеющиеся в работе издательств, редакций газет и журналов, отмечались факты примиренческого отношения к появлению слабых в художественном отношении и идейно ущербных произведений, в числе которых называлась, в частности, книга М. Байджиева «Чужое счастье».

Мы еще не начали принципиальной борьбы против серости, низкопробных поделок и халтуры в литературе. Без вытеснения ремесленничества из творческой жизни, сведения его губительного воздействия на нормальные эстетические чувства людей к минимуму не могут быть плодотворными творческие поиски, отстаивание принципов высокой идейности и художественности.

Еще в 1908 году В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому говорил о необходимости «связать и литературную критику теснее с партийной работой...»[1] Наша литературная критика должна быть верна лучшим традициям советской критики, исходящей в своей деятельности из указаний Ленина. Партийность литературной критики предполагает четкий классовый подход к явлениям творчества, способность отличать критику от очернительства, исключение из практики идолопоклонства и фаворитизма, проявлений узко личных антипатий и симпатий.

В Постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» вопрос о задачах критики по расширению идейного кругозора художника и совершенствованию его мастерства рассматривается в тесной связи с вопросом об идейно-эстетическом воспитании трудящихся. В соответствии с этим наша критика призвана уделять особое внимание проблеме взаимопонимания между читателем и писателем. Не секрет, что не всегда до читателя доходят явления литературы, отличающиеся сложностью своей идейно-художественной структуры. Но отсюда было бы совсем неправильно делать вывод о необходимости упрощения форм художественного освое-

---

[1] *В. И. Ленин.* О литературе и искусстве. М., 1969, стр. 310.

ния жизни до примитивизма во имя их доступности читателям. В условиях нашей республики очень остро стоит вопрос о приобщении киргизского читателя к сложным проявлениям современной культуры, к теоретическим знаниям и сфере чистых абстракций.

Повседневное деятельное и творческое претворение в жизнь Постановления ЦК КПСС поможет стать критической мысли в Киргизии на уровень новых больших задач, придаст ей силу и действенность. Советский Союз находится сегодня в зените своего экономического и духовного могущества, международного авторитета. И нет большей чести для деятелей литературы и искусства, чем воспеть в ярких образах страну в час ее политического апофеоза, в час торжества правильности мудрой внутренней и внешней политики Коммунистической партии. Испытанные принципы ленинской партийности и идейности творчества позволят нашим художникам, критикам держать курс в правильном направлении, шагать в ногу со временем.